

Виктория Даркфей

Проклятие для

ВЕДЬМЫ

Виктория Даркфей
Проклятие для ведьмы

«Автор»

2024

Даркфей В.

Проклятие для ведьмы / В. Даркфей — «Автор», 2024

Ведьмы убивают. Ведьмы приносят жертвы. Ведьмы порабощают народ. Рраска – одна из них: кровожадная, мстительная и жестокая тварь. Она сеет разрушение и смерть. Сегодня ее задача убить последнюю жрицу Торпа, чтобы навсегда извести это племя с подвластных ведьмам земель. Больше никто не будет возносить молитвы Богу Света, больше некому будет защитить простых людей. Сегодня они встретятся в Святилище дуба, где одна будет убита, а другая проклята. Это первая часть дилогии, но ее можно читать и как самостоятельную историю. Вторая часть называется "Проклятие для ведьмы 2: Дочь ведьмы"

© Даркфей В., 2024

© Автор, 2024

Виктория Даркфей

Проклятие для ведьмы

ГЛАВА 1

Прошла целая неделя после катастрофы, а Ярослав так и не смог достучаться до Торпэ Дала. Тревога не покидала сердце верховного мага Ордена Света. Он мерил шагами полы своей библиотеки и не знал, что предпринять. Впервые он оказался бессилён.

– Ты получил нашу весть, маг? – не переставал звенеть в его голове обвиняющий голос.

Картины из Храма Равновесия вставали в его сознании. Храм был инструментом, оружием, созданным богами-хранителями для защиты от подступающего со всех сторон Хаоса. Тысячелетия назад они спаяли два плоских мира-зачатка и сотворили Великие Весы. Из плоскости земли выросли две слюдяные башни, зеркально отражающие друг друга. Облака спустились с небес и окутали подножия Храма. Они образовали огромное море, что, вздымаясь белыми бурунами, терялось около горизонта. Там облака срывались за невидимую границу и мягко таяли, падая в неизвестность.

Уланэ Дал – падший бог – в ту пору таковым ещё не был. Он создавал этот мир вместе с другими богами-хранителями и поэтому был вхож сюда. Бог Тьмы явился сам и привел с собой Ранговых ведьм – своих ярых последовательниц.

– Ты опоздал! – гремело в душе верховного мага, и он не знал куда убежать от воспоминаний.

Боги-хранители населили новоиспеченный мир сестрами Равновесия, и они стали сродни песчинкам, перекатывающимся с одного края весов на другой. Они разделились на сестер Дня и Ночи, и каждая имела близнеца в противоположной башне, тем самым уравновешивая Великие Весы. Ярослав знал их всех. Знал настолько хорошо, что вкуче с небольшой щепоткой своей силы, словно воочию видел, как все происходило.

Маг знал, что сестра Рия смотрела в окно, когда появился Улан – огромный, словно гора и страшный как тысяча демонов. Она поняла, что бог, которому вход сюда был запрещен даже в те времена, когда он еще не пал так низко, вновь ступил на землю мира Весов. Рия видела, как Бог Тьмы сотворил черный провал, из которого вылезла девятка Ранговых ведьм. Девушка убрала дрожащие пальцы от окна, когда группа незваных пришельцев двинулась к Храму. Они повредили защиту Великих Весов. Девять маленьких фигур казались двигающимися чернильными пятнами, и при взгляде на них у Рии останавливалось сердце, чтобы затем, трепыхаясь и екая, забиться снова.

Рия отступила от окна. Вокруг носились ее сестры Дня. Они стремились скорее попасть в центральную чашу, чтобы встретиться там с сестрами Ночи и объединить их силу. Рия заторопилась вместе с ними, шурша длинным бежевым платьем.

– А-Ри! – воскликнул она, призывая свою сестру-близнеца, когда ступила на идеально ровный стеклянный пол пространства, разделяющего этот мир на две части и всегда скрытого облаками.

На зов Рии обернулась девушка, одетая в темно-лиловый наряд. На ее голове была взбалмошная прическа, платье казалось умело подобранным набором лоскутов. А-Ри хмурилась, но увидев сестру немного оттаяла и стала казаться светлее. Рия в свою очередь тоже слегка преобразилась: в ее походке почувствовался напор, а во взгляде появилась сталь. Когда девушки оказались совсем рядом друг с другом, единственным их отличием стал цвет и фасон одежды.

– На наш мир напали! – воскликнула Рия. – Уланэ Дал снова здесь!

Ее слушала не только сестра-близнец. «Песчинки» внимали ей – новость о появлении павшего бога взволновала всех без исключения.

– И теперь он пришел с Дневной стороны? – полуутвердительно спросила А-Ри. Ее лицо помрачнело.

– С ним девять черных фигур...

– Это его ведьмы!

– Чего он хочет? – раздалось со всех сторон.

Сестры Равновесия смешались, образовав диковинную толпу красивых девушек, по-разному одетых, но настроенных одинаково решительно.

– Мы не сможем долго сопротивляться павшему богу, – заметила А-Ри. – Нам нужно послать вестника.

– И защитить обе башни, – добавила Рия, соглашаясь с сестрой.

«Песчинки» разделились на две группы, в равной степени состоящие из сестер Дня и Ночи. Первая группа осталась в центре большой залы и сложила руки в молитвенном жесте. Они сосредоточились, мысленно соединяясь с пространством своего мира. Они почувствовали его боль от раны, нанесенной темными созданиями. Сестры взяли за руки и склонили головы.

– Ом! – прокатился по зале серебристо-металлический звук, совсем не похожий на девичьи голоса. Он взметнулся вверх и, сорвавшись со шпилей, венчающих слюдяные башни, растворился в небесах.

В это время вторая группа девушек выстроилась вдоль стен, прислонившись в них ладонями и лбами. Глаза у всех были закрыты. Сестры призывали к жизни силы Храма Равновесия, заложенные в него еще богами-хранителями. Времени оставалось совсем мало – Уланэ Дал подошел уже слишком близко.

Снаружи Храм ожил. На поверхности его стен появилась некая вязь, что видоизменялась и росла. Вскоре стали различимы полупрозрачные ростки и листья, что оплетали стены из слюдяных кирпичей. Спустя несколько мгновений новая явленная броня застыла, обретя реальный объем и вес.

И в этот момент на Храм Равновесия обрушился первый сокрушительный удар. Великие Весы вздрогнули, а «песчинки» попадали, сбитые с ног. Раздались их крики, которые были очень хорошо слышны павшему богу. Ведьмы снаружи ускорились стократно, превратившись в черные ветры, что оплетали слюдяную башню в кокон. И от этого броня из листьев тускнела, а полупрозрачные кирпичи стен становились совсем мутными. Улан снова замахнулся, и его рука подобно тарану обрушилась на Храм. Строение пошатнулось, но тут же снова обрело былую незыблемость. На пугающем лице бога промелькнула усмешка.

Удары посыпались один за другим. Замахи Уланэ Дала приобрели такую устрашающую скорость, что слились в один едва различимый клубок рук, несущих силу разрушения.

Внутри сестры Равновесия сходили с ума от грохота и страха. Они не могли выйти и сразиться с врагами. Им оставалось лишь ждать и надеяться, что башня продержится до тех пор, пока не придет помощь от богов-хранителей.

Но этим чаяниям не суждено было сбыться.

Когда из стены выпал первый кирпич – почерневший и потрескавшийся – стало понятно, что это начало конца. Следующий удар бога Тьмы снес часть стены, и в пролом тотчас же метнулись его ведьмы. Наступило краткое затишье.

– Улан! – гневно крикнула чуть оправившаяся Рия. – Ты вновь пришел за одной из сестер Ночи?!

Ее платье разорвалось, девушка была напугана, но не верила, что на бога Тьмы нельзя найти управу. В конце концов он был одинок и среди богов-хранителей союзников не имел. Рия часто дышала, стараясь унять сердцебиение. За ее спиной с пола поднимались другие сестры Равновесия.

– Не угадала! – грохочущим голосом ответил ей Улан и нанес по хрупкой девушке страшный удар рукой, которой только что разгромил стену. – Не за сестрой Ночи! И не за одной!!!

Несчастливая Рия умерла, не успев понять, что произошло. Безжизненной куклой она отлетела к стенам центральной чаши и окровавленным кулем замерла на полу. Среди сестер Равновесия разлилось холодное оцепенение. Смерть Рии значила слишком много, чтобы ее последствия сразу можно было охватить разумом. Оцепенение разорвалось громким жалобным криком А-Ри:

– Риия!!!

Девушка бросилась к сестре, по пути разительно меняясь. А-Ри рядом с Рией, А-Ри вдалеке от нее и А-Ри без сестры были тремя разными созданиями. Все светлое, что в ней было, исчезало безвозвратно. Ее черты стали более резкими, а глаза потемнели, приобретя нехороший жестокий блеск. Она упала на колени, и обняв мертвую сестру зашлась протяжным воплем, полным боли и ненависти. В страдании девушка не замечала перемен, что происходили с ней. Ее ногти удлинились, став более темными и загнутыми, как у хищной птицы. Лицо осунулось, надбровные дуги выступили и заострились, а под глазами залегли глубокие тени. Рот А-Ри застыл в оскале. Ее сердце скоропалительно черствело.

Несколько мгновений краткого затишья миновали. Ранговые ведьмы пришли в движение, повинувшись молчаливому приказу бога Тьмы. Они ринулись в толпу ошеломленных сестер Равновесия и принялись собирать свою страшную жатву. С ходу они вырвали сердца несколькими сестрам Дня. Стекланный пол центральной чаши окрасился кровавыми брызгами. В Храме наступил Хаос. Бежать было некуда, оставалось только сражаться.

Сестры Ночи отважно встали на защиту своих близнецов, поняв, наконец, чего добивается Уланэ Дал. «Песчинки» не владели магией в обычном понимании этого слова. Они не умели создавать молнии, метать огненные шары или насылать черные проклятия, как это делали Ранговые ведьмы. Но беззащитными их назвать было сложно, ведь им подчинялось само Равновесие.

Без страха девушки в легкомысленных темных одеяниях стали окружать Ранговых ведьм. Четким движением одна из сестер приложила руку к груди ведьмы там, где должно было быть сердце, и захватила злобную гадину в плен. Без лишних сантиментов «песчинка» крутанула ладонью против солнца, чем поселила внутри врага страшнейший дисбаланс. Кровь в жилах ведьмы побежала в обратном направлении, и клапаны главного органа захлебнулись ею. Старуха задергалась, ее глаза стали вылезать из орбит. Она яростно ловила уродливым ртом воздух, но так и не смогла сделать вдох.

Вокруг раздавались крики ужаса. Сестра Ночи спокойно смотрела, как на пол оседает уже мертвая Ранговая ведьма, сердце которой разорвалось в груди.

В ту же минуту «песчинку» пронзило магическое копьё, сотканное из черного тумана. Ноги девушки подкосились, и она со слабым стоном опустилась рядом с поверженной ею ведьмой. С последним вздохом из тела сестры Ночи ушла жизнь. Ее прекрасные, как звезды, глаза померкли.

– Не ее! – в ярости громоподобно завопил Уланэ Дал.

Его гнев оказался страшен. Своей огромной рукой Бог Тьмы схватил провинившуюся ведьму и сдавил ее, будто выжимая соки. Визгливое верещание старухи на несколько мгновений перекрыло все остальные звуки. Она корчилась в руках своего повелителя, не в силах умереть без его соизволения. Затем он оторвал ее уродливую голову в назидание другим и отбросил жалкие останки.

Где-то с другой стороны залы раздался крик отчаяния. Это близнец погибшей сестры Ночи ринулась на врагов, забыв про себя. Она бросилась прямо на копьё из черного тумана, одновременно прикладывая руку к сердцу еще одной Ранговой ведьмы и поворачивая ладонь против солнца... Девушка упала мертвой, но даже после смерти она менялась. В ее чертах

появлялись просветление, мудрость и покой. Она становилась светлее, в то время как множество сестер Ночи по всей центральной чаше стремительно темнели, становясь похожими на новую А-Ри.

Темный бог осмотрелся. Его план удался в полной мере. Несмотря на некоторые оплошности множество светлых «песчинок» оказалось уничтожено. Он был удовлетворен. Пришло время возвращаться. Уланэ Дал отошел от некогда золотистой башни, храня самоуверенную улыбку на губах.

В небесах сверкнула вспышка, и увеличиваясь в размерах, она подобно комете понеслась к Храму. Сейчас у бога Тьмы не было настроения вступать в схватку с посланниками своего светлого братца. Перед тем как исчезнуть из мира Весов, Улан позволил презрительной ухмылке искривить его лицо – как же все-таки они сильно опоздали!

***

... Ярослав отвлёкся от воспоминаний. Чтобы поговорить с Торпом для мага оставался единственный возможный путь – подняться на Язык Демона. Эта скала являлась местом силы, и сами боги иногда приходили туда, приняв человеческое обличье. Маг отправился туда немедленно.

По пути Ярослав вновь и вновь прокручивал в голове произошедшие события. Подлетая к Храму Равновесия, он видел, как гороподобный бог растворился в пространстве, явив им напоследок пренебрежительную маску. Улан задержался на лишнее мгновение, словно подманивая их, но потом все же пропал, не желая принимать бой. Конечно, посланцы Торпэ Дала не смогли бы одолеть бога Тьмы. Но причинить ему неприятности были вполне способны.

Ярослав не знал, что он увидит в Храме. Едва вестник добрался до него, верховный маг отправился на помощь «песчинкам», взяв с собой Небадуба – своего ближайшего соратника. В его голове мелькнула мысль, что Улан взялся за старое. Но, подлетая к башне, посланец Торпа увидел, что все гораздо серьезнее.

Храм Равновесия подвергся страшной атаке. Видя разрушенную стену, Ярослав со страхом думал о возможных жертвах среди сестер.

Из пролома вдруг появилась ведьма, и сердце верховного мага сжалось от ужасного предчувствия. Из-за его спины пронесся луч света – это Небадуб уничтожил мерзкую старуху, испепелив ее на месте.

Гадкие ведьмы гурьбой кинулись наружу, стремясь скорее добраться до пролома в земле неподалеку. Ярослав направил на них мощь светлого огня, а Небадуб занялся ямой, что открыла ведьмам проход в этот мир. Он простер руки над неприглядным отверстием, и вскоре рана на теле земли стала затягиваться.

Ранговые ведьмы сражались с Ярославом, огрызаясь на его очистительный огонь черными плевками магических ударов. Беда была в том, что для верховного мага Ордена Света они были пустым местом. Они не представляли для него опасности, и все их потуги навредить посланцу Торпа бессильно разбивались о его безукоризненную защиту. Вскоре от нескольких Ранговых ведьм осталась лишь куча плохо пахнущего пепла.

Медленно Ярослав опустил руки и голову. Он прибыл на зов – воин в сияющих доспехах. Посланец светлого бога Торпэ Дала, он пролетел зоны расстояния и одолел Ранговых ведьм. Но теперь он страшился сделать шаг под сень полуразрушенной башни. Он страшился того, что могло его там ожидать...

За проломом было слишком тихо. Там зияла темнота. Ярослав глубоко вздохнул и поднял голову. В этот миг темнота шевельнулась, и навстречу магу выплыло то, чего он больше всего боялся.

– А-Ри! – с болью воскликнул посланец Торпа и непроизвольно сделал шаг навстречу к той, что когда-то являлась сестрой Ночи.

Яросей протянул девушке руки, но его жест остался незамеченным. Надменная холодность читалась в ее позе, а взгляд ранил пустотой и равнодушием. От былой красоты «песчинки» не осталось и следа, хотя не узнать ее было невозможно. Кожа А-Ри одрябла и поседела, но больше всего изменилось лицо девушки. Куда-то ушло милое лукавство из ее глаз, она больше не искушала и не манила привычными уловками. Ее облик пугал, обретая некие демонические черты.

– Ты получил нашу весть, маг? – словно очнувшись, заговорила она. Ее голос звучал мертвенно и отчужденно.

– Да, – только и смог ответить Ярослав. За его спиной молчаливо переминался красавец Небадуб.

– Ты опоздал, – сказала А-Ри так, словно выносила вердикт. Обвинительный приговор.

Наступила пауза в этом тяжелом разговоре. Маг сжал зубы. Он не знал, как поступить. Случилась катастрофа, но исправить что-либо было не в его силах. Даже боги-хранители едва ли смогли бы что-то придумать. Тем временем А-Ри сочла, что сказано уже достаточно. Она развернулась, чтобы уйти.

– Постой! – воскликнул Ярослав. Он не мог оставить все вот так.

Вместо ответа девушка остановилась, слегка повернув и склонив голову набок так, словно внимала ему без особой охоты.

– Я могу войти? – вздохнув, спросил маг.

– Зачем? – холодно удивилась она, не меняя позы.

– Я хочу помочь, – с надеждой ответил посланец Торпа.

– Ты ничем не сможешь.

Она продолжила движение, постепенно уходя во тьму разлома.

– А-Ри! – в отчаянии крикнул Ярослав.

– Сколько? – спросил он, когда понял, что «песчинка» в очередной раз остановилась.

– Двенадцать, – ответила она и окончательно растворилась во тьме.

Посланцы Торпэ Дала остались одни. Словно деревянный верховный маг Ордена Света повернулся к Небадубу и встретил его расширенный взгляд.

– Двенадцать...

Башня за их спинами ожила. Выломанные кирпичи сливались в единую серую массу и напозлали на разлом, затягивая его. Вскоре отверстие исчезло, а вместо него появилась некрасивая неровная поверхность, напоминающая огромный шрам от рваной раны. Башня померкла, ее больше не золотили лучи закатного солнца. Храм Равновесия на Дневной стороне весь как-то осунулся и сник. Он потерял свое изящество и стал походить на больного старика, что раньше был сильным и здоровым. Геометрия башни явно нарушилась. Тем временем живая серая субстанция не остановила своего движения. Она покрыла все строение словно кокон, сделав его облик совсем неприятным, и посланцы Торпа поняли, что Храм Равновесия отныне закрыт для доступа.

– Чего же нам теперь ждать? – подал голос Небадуб.

– Беды, – ответил Ярослав.

***

Здесь им делать было больше нечего, и посланцы стали отдаляться от поверхности земли. С высоты межмирового пространства открывалась удручающая картина. Прежде две башни Храма Равновесия были расположены друг к другу подобно двум сторонам песочных часов, или своеобразным весам. На одном крае мир был окрашен в золотистые полутона. Солнце

здесь никогда не поднималось высоко над горизонтом, даря облакам и Храму зачаровывающие оттенки плавно переходящих друг в друга заката и восхода. Другая сторона радовала глаз огромными звездами, луной и свежим ночным ветром. Теперь же Великие Весы потеряли свое идеальное Равновесие – башня на Ночной стороне явно перевешивала. Она заметно потемнела и помрачнела, в то время как часть Храма на Дневной стороне осунулась и померкла.

Возвращаясь в свою обитель, Ярсей вспоминал прошлое и страшился будущего. Три тысячелетия назад проступок Улана, еще бывшего богом-хранителем, привел его на судьбоносную развилку. И из двух предложенных вариантов молодой бог выбрал тот, что приблизил его к тому образу, в котором он пребывал и теперь.

Улан действительно был тогда еще молодым богом. Самоуверенным и немного легкомысленным. В глубине его глаз таилась хитринка, но она с лихвой окупалась беззаботной и бесстрашной улыбкой Уланэ Дала. Он встретил А-Ми – сестру Ночи. Как и любой из них, ей оказались близки ветреные забавы, она отрицала запреты и влекла немного распушенной чувственностью. В ее глазах всегда можно было прочесть призыв и обещание. В ее облике сквозила притягательная, искушающая порочность, а в глубине глаз сквозило лукавство.

А-Ми мимоходом очаровала молодого бога. Инстинктивно, не задумываясь с кем играет в привычную игру. А Улан загорелся ею. Он отбросил все доводы разума о том, что «песчинки» Храма Равновесия не сродни обычным женщинам, и что они не пригодны для взаимоотношений в общепринятом понимании. А-Ми играла, не понимая, какой костер она разожгла. А когда поняла, было уже поздно. Сначала Улан действовал уговорами, но этим лишь надоедал прелестнице, желающей вернуться к своим обязанностям в Храме.

Затем терпение бога лопнуло, и он унес полюбившуюся ему сестру Ночи за пределы привычного для нее мира. Этим он совершил непростительный поступок – нарушил Равновесие. А-Ми сходила с ума, оторванная от Великих Весов, своего предназначения и сестры-близнеца – Миры.

У них ничего не получилось. И Улан, озлобленный и испортивший отношения с остальными богами-хранителями, замкнулся в себе. Возможно, он корил себя, или во всем обвинял несчастную А-Ми, которую таковой сотворили все те же боги-хранители. Ярсей об этом мог только догадываться...

Не смотря на неудачу в любви Улан так и не смог отпустить от себя девушку. Она потеряла себя, потеряла игривую привлекательность и милое лукавство. Но она была его. И все ниже опускаясь в бездну этих отношений, Улан породил своих истинных последователей – ведьм и геверкопов. Теперь они вершили за него грязные дела, сеяли смерть и ненависть на подвластных им территориях. А территории эти росли...

Чтобы унять душевную боль и восстановить Равновесие, Мира стала той, кто дала жизнь жрицам Торпа. «Песчинка» ушла из Храма, не в силах жить там без сестры и поселилась в одном из предложенных ей миров. Она не была особенно счастлива, прожив обычную человеческую жизнь, но нашла радость в своих многочисленных дочерях, призванных уравновесить сотворение ведьм и геверкопов...

...Верховный маг ступил на Язык демона. На этот раз Уланэ Дал совершил гораздо более страшный поступок. Он уничтожил двенадцать сестер Дня, значительно усилив темную сторону Великих Весов. Этим он что-то купил для себя, и Ярсей был уверен, что он очень скоро узнает, что именно.

Он встал на самом краешке Языка Демона и призвал своего бога. Сюда Торп должен был явиться несмотря ни на что. Просто обязан.

В ожидании маг немного отвлекся, наблюдая величественный и умиротворяющий вид, открывающийся отсюда. Он смотрел на долину, развернувшуюся в лучах закатного солнца. Поля – желтые и зеленые – казались лоскутным одеялом, синева озера отражала всю глубину небес. Словно игрушечные, внизу стояли беленые домики, а по песчаной ленте дороги ползли

телеги, запряженные быками. Всему этому великолепию придавало золотой оттенок солнце, коснувшееся горизонта. С востока потихоньку подкрадывалась ночь, окрашивая отвоеванные территории в лиловые тона. Но больше всего его трогала игра облаков над равнинным пейзажем. Их мягкие очертания отражали золотой свет, постепенно переходящий в оранжевый и розовый.

– Здравствуй, Яросей, – маг услышал вкрадчивый голос за спиной. Голос, который совсем не ожидал услышать. Он понял, что его время вышло и появления Торпа ему дожидаться не суждено. Единственное, что он успел сделать, прежде чем его сознание затопила огненная вспышка боли – это бросить последний взгляд на прекрасную долину.

ГЛАВА 2

Прошло двадцать пять лет...

«Тьма опустилась на мир. Темная буря пронеслась по земле уничтожив все краски сущего.

Небесные светила оказались скрыты, а затем похоронены в замшелых тайниках поработившего мир мрака. Привычные звуки умерли. Воцарилось молчание, сдобренное множеством шепотов, сулящих гибель.

Тьма породила хаос. И хаос обрушился на мир. Он пронесся на крыльях темных тварей, сея разрушения и смерть. Прежнее мироздание обратилось в руины. Движение жизни замедлилось, грозя остановиться. Смерть обосновалась в затененных землях. Ее тлетворные дуновения принесли новый смысл бытия и жизнь покорила ему. Надежда угасла. Прежние идеалы умерли.

Из мрака и бед родился новый мир, и Темная звезда стала его венцом. Каждый жизненный путь оказался определен ею. Свобода выбора умерла в душах людей. Люди забыли тех, кого любили и забыли себя. Их умы окутали тенета тьмы. Перед ними пролегал единственный путь, что указала им Темная звезда».

Пропел петух. Дерва вздрогнула на своем ложе. Она проснулась и резко села на кровати, лоя ртом воздух. Ее зрачки расширились, сердце бешено колотилось от пережитого кошмара. Она озиралась в страхе увидеть опутывающий все мрак.

Но за окном светало, а рядом безмятежно спал ее муж. В доме царили тишина и спокойствие. Занавески легонько шевелил утренний ветерок. Из сада доносились ароматы земли и цветов. Тьма так и не явилась.

Дерва прислонилась спиной к подушке, и ее длинные темные волосы легли ей на плечи волнистыми прядями. В глазах женщины возникло понимание. Это было пророчество. Не просто сон, а голос-видение, который жил особенной жизнью, пока проигрывался в ее голове. Дерва одновременно все и видела, и слышала, она прожила описанные события. Постигла их ужас и безнадежность и пропустила через себя. Она всегда так делала, потому что не умела иначе. Жрицы Торпа так устроены. Для Дервы это было и счастьем, и бедой.

В ее синих глазах застыла отрешенность. Это чувство было единственной защитой от душевной боли, готовой прорваться горькими, безнадежными слезами. Дерва поцеловала мужа и полюбила его спокойным лицом, стараясь запомнить. С этого утра срок их жизней пошел на часы.

Жрица встала и оделась в белое платье. Все шло как должно и являлось ее осознанным выбором. Ее слезы не должны были изменить ничего из предначертанного. Впереди Дерву ждал долгий день.

За окном солнце осветило деревню, притулившуюся между лесом и рекой. Это была идиллическая сельская картина, рай на земле. Прозрачно-золотой утренний свет мягко очер-

чивал линии небольших домов, оставляя ощущение еще не до конца прошедшей дремоты. Сами дома, построенные из беленого камня, имели по несколько круглых окошек. Их крыши были покрыты уложенной плотными рядами желтой соломой. Все строения оставляли впечатление некой рачительности, если не сказать зажиточности.

Чуть ближе к реке земля понижалась, покрытая мягким ковром клевера и манжетки. Разросшиеся травы роняли на землю капли утренней росы и поднимали ото сна желтые и белые соцветия. Дальше начинался берег реки – расчищенный и пологий. Выше по течению длинная мостушка пересекала чуть ли не половину Ручьянки, не слишком широкой в этом месте. За рекой берег повышался, превращаясь в бескрайние луга. Но туда никто и никогда не отваживался ходить.

Дерва отошла от небольшого оконца на кухне, такого милого и привычного. К стенам крепились полки с посудой. Вдоль стен располагались ольховые лавки, сделанные руками Инора, ее мужа. Все здесь напиталось их любовью. Уходили последние минуты, когда она могла наслаждаться этим миром, что вот-вот должен был кануть в небытие. Она же в это время должна находиться в Святилище. Таков ее путь.

Дерва не хотела бросать все, что было ей дорого. Каждая вещь напоминала о минутах счастья, что светом озаряло жизнь их семьи: ее и Инора, и их детей – красавицы Марижи и маленького Фафика. Святилище звало Жрицу, но Женщина не могла уйти просто так. Этот дом был наполнен смехом ее детей, и ей казалось, что она слышит его и сейчас. Вот-вот маленькая босоногая Марижа вылетит из-за угла и, путаясь в длинной рубашке, побежит в сад, ловить кузнечиков, к которым всегда было равнодушно ее сердечко. Ее дочь уже выросла, давно оставив позади те беззаботные года... Черета прекрасных моментов проплывала перед глазами Дервы, и предательская слеза все же скользнула по щеке. Любовь Инора, руки дочери, обнимающие ее, первые шаги Фафика...

Дерва вытерла щеки рукой. Времени совсем не осталось. Напоследок она решила заглянуть в комнату дочери – той пора было подниматься, чтобы успеть выполнить ее сегодняшнее поручение. Солнце давно встало, все петухи пропели, а Марижа так и не показала нос на кухне.

Женщина отворила нужную дверь и обнаружила, что ее шестнадцатилетняя дочь уже давно встала и ушла. Видимо это произошло настолько рано, что сама Дерва еще и не думала просыпаться. Ее губы затряслись, страх сдавил сердце. Неужели все будет напрасно?

Но она ничего не могла изменить. Выбор был уже сделан, ее ждало Святилище. Твердым шагом Дерва направилась к выходу, намереваясь навсегда закрыть дверь родного дома. Но не смогла пройти мимо кровати своего сынишки. Женщина застыла словно изваяние. Она боялась пошевелиться и разрушить это счастье – возможность смотреть на своего ребенка и радоваться каждому его вздоху. Фафик спал сном маленького ангела. Его ресницы были такими длинными, что отбрасывали тени на розовые щеки. В кулачке он держал простынь, а его губки были так трогательно сжаты... Дерва хотела поцеловать его круглый лоб, но побоялась, что тогда совсем не сможет заставить себя уйти.

Святилище звало ее. Дервянкой походкой, теряя по пути осколки разбитого сердца, женщина вышла из дома. Ее ноги подгибались, она не чувствовала земли, когда наступала на нее. Калитка осталась позади. Дерва прошла десять шагов. Двадцать шагов. Душившая ее боль потихоньку уступала место другим чувствам. Женщина превращалась в Жрицу, готовую исполнить свой долг перед всеми живущими в этом мире людьми.

Словно в полусне Дерва прошла по пробуждающейся деревне, миновав соседские дома и местный трактир. Пройдя обширный луг, женщина нырнула под сень своего любимого леса. Для нее он всегда был сродни какому-то отдельному идеальному миру, где правила совсем иные законы. Здесь Дерва становилась другим человеком, и была всегда больше Жрицей, чем Женщиной.

Под ноги ей легла знакомая, не слишком исхоженная тропа. В тенистом сумраке леса уже давно проснулись птицы и теперь они выводили свои стройные рулады.

В основном лес был дубовым и деревья здесь редко встречались в ширину меньше, чем смогли бы обхватить пять, или даже десять человек. Это были гиганты, прожившие по несколько сотен лет, и Дерва преклонялась перед их древней мудростью. Еще на пути жрицы попадались вязы и буки. Эти деревья тоже были весьма преклонных лет и всегда казались ей задремавшими старцами, больше глядящими внутрь себя, нежели наружу. Мудрено ли, что предки называли лес Дримом? Он был живым, одушевленным, и жрица считала, что имя, данное лесу, в полной мере отражало его сущность.

Дерва шла по утоптанной тропке, перешагивая через корни деревьев. Ее белое ритуальное платье ярко выделялось на зеленом лесном фоне. Жрица вышла на знакомую поляну. Она уже не надеялась, что, когда спустится ночь, на этой поляне, словно отражая звезды, появятся сотни зажженных лучин, принесенных верующими. Но в ее сердце поселилось смирение и понимание необходимости жертвы, которую еще только надо будет принести. В центре поляны рос гигантский тысячелетний дуб. Это было огромное дерево, полное жизни. Это было Святилище дуба.

***

Время пронеслось незаметно, и вот уже солнце стало стремительно клониться к закату. Для Марижи это был долгожданный день, и он превратился в не менее долгожданный вечер. Девушка шла с легкой, улыбкой на губах, мечтая о том времени, когда тени сменятся сумерками и за ними спустится красавица-ночь. От сладостного предвкушения у нее в душе появилось чувство, будто она парит, как птица. Ведь она сможет остаться со своим женихом только вдвоем.

И только одна мысль омрачала приятное нетерпение девушки. Марижа возвращалась из Дрима с корзинкой лечебных ягод для младшего братика. Уже вторую неделю малыш болел и не переставал кашлять. Фафик был еще совсем кроха. Мать послала Марижу на дальнюю опушку леса, к Лысому ручью. Этот ручеек пробился на поверхность среди нагромождения камней и скалистых выступов, оставшихся от разрушенного временем утеса. Только в таких камнях и росли нужные ей ягоды укулы. Сейчас им как раз было время поспевать.

Весь день потратила Марижа на этот поход. Она встала настолько рано, что солнце еще не показалось над горизонтом. Воздух был наполнен ночными ароматами, вокруг царил бархатная тишь. Девушка кралась как кошка, стараясь не никого не разбудить, и посмеивалась про себя, представляя, как мама, должно быть, сильно удивится, когда проснется и увидит, что дочери уже и след простыл. Она сложила на дно большой корзины хлеба и немного овощей, чтобы было чем утолить голод в течение дня, и отправилась в путь.

Мариже очень хотелось выполнить наказ матери и успеть на праздник. И ей это удалось! Не огорчали ее ни в кровь расцарапанные руки, ни усталость, поселившаяся в теле. Она знала, что стоит ей окунуться в волнующую атмосферу гуляний, как все это перестанет иметь значение. Не зря же она так торопилась вернуться не позже заката. Времени привести себя в порядок, и приготовить настой для братишки у нее было предостаточно. Оставалось еще и на то, чтобы помочь матушке по хозяйству.

Марижа вновь улыбнулась. Сегодня был праздник Скорогод – венец лета! Все жители их деревни – Вислы, примут участие в гуляниях, а молодежь и вовсе пропадет на целую ночь. Уж она точно спать ложиться до рассвета не собиралась. Девушка вспоминала свой новый сарафан, что сшила для нее мама, и думала какую ленту лучше вплести в веночек – белую, как свет луны, или синюю, подходящую к ее глазам? Как же ей не терпелось посмотреть на Лария, когда он ее

увидит! И хотя ее мыслей о женихе никто подслушать не мог, Марижа покраснела и опустила голову, скрывая улыбку.

Она могла бы заглянуть к матери в Святилище, но предпочла этого не делать. Ей не хотелось отвлекать жрицу от ее занятий, да и времени было не так много. Срезая путь, Марижа вышла из леса раньше и пошла к деревне через луг. Река оказалась по левую руку от нее. Обычно синие воды теперь приняли розовый оттенок – это клонящееся к горизонту солнце подарило им такой окрас.

Лес остался позади, прошла Марижа и огороды, прилегающие к деревне. Здесь пряный запах луговых трав сменился ароматом свежеспеченного хлеба. Он напомнил девушке, что она довольно сильно проголодалась. Около сада, мимо которого она проходила, воздух был наполнен оглушающим благоуханием спелых яблок. У нее тут же закружилась голова от накативших приятных воспоминаний. Прошлым летом стоя под одной такой яблоней, в Скорогод Ларий поцеловал ее и назвал своей нареченной. Это была настолько пьянящая минута, что при мысли о ней до сих пор дрожь и приятная истома пробегали по телу Марижи. Пели сверчки, луна отбрасывала неверные тени от листьев. Запах яблонь дурманил, когда Ларий склонился над ней...

– Благодати Торповой, Марижа! – на ходу поздоровалась маленькая босоногая Чикрия, пробегая мимо. Девушка только и успела улыбнуться в ответ озорнице. Ей самой порой хотелось задрать юбку до колен и побежать со всех ног, чтобы дыхания не хватило. Да что там, Марижа иногда так и делала. Она неслась через колоссящиеся поля или цветущие луга, а потом без сил валилась среди высокой душистой травы и смотрела на синее небо, такое же синее, как ее глаза.

В свои шестнадцать лет Марижа была статной и красивой девушкой. Толстая черная коса до пояса и выразительные глаза делали ее настоящей красавицей, а довершали картину коралловые губы и золотистая кожа. Хорошее приданое, которым ее снабдила мать – жрица бога Торпа, делало Марижу завидной невестой. Родители дочь с выбором не неволили, и прелестница среди претендентов на свою руку выбрала того, кто был мил ее сердцу – Ларика. Таким везением могла похвастаться далеко не каждая девушка. Хотя Марижка и понимала, что дело тут не только в везении. Скорее ей следовало благодарить Торпа-батюшку за то, что наградил ее такими родителями, как Дерва и Инор. Любому была видна и понятна искра любви, жившая в сердце каждого в этой паре. И искру эту они сумели пронести через все года супружества, не потеряв ни тепла ее, ни света. Так пристало ли, увидев такую же искринку в глазах любимой дочери, заставлять ее выходить замуж за немилого? К тому же Дерва, будучи Торповой Девой, видела больше других. И она знала, что Ларий действительно любит ее дочь, и будет ей надежным спутником на всю жизнь.

В первую неделю свадебника, после праздника уборки урожая ее мать должна будет оженить Лария и Марижу. Тогда они станут единым целым, и она уйдет жить к нему в дом.

Опять поймала Марижа себя на мысли о женихе и вновь опустила голову, пряча улыбку.

– Добрых вестей тебе, деточка! – это с ней поздоровалась соседка. Марижа была уже у родного дома.

– И вам добрых вестей, тетя Мара! – приветливо ответила девушка, остановившись.

Тетя Мара подошла к забору и облокотилась на него. Она была ровесницей Дервы, но выглядела не в пример старше. Печать суетливости лежала на ее, в общем-то, приятном лице.

– Скажи-ка, когда твоя матушка вернется из Святилища? Ты не заходила к ней?

– Нет, тетя Мара, – Марижа удивилась таким вопросам. – У нас Фафик болен, я торопилась домой, чтобы заварить ему ягоды уекулы. А мать вернется только к гуляньям – сегодня у нее долгий ритуал. Только после Принесения Лучин, я думаю. Как всегда.

Каждый мог отнести праздничную лучину к Святилищу дуба и оставить воткнутой в землю, чтобы добрый бог увидел, кто ему молится. Придя туда с зажженной лучиной, люди

просили об исполнении сокровенных желаний, или же просто благодарили за то, что у них было все хорошо. А жрица помогала этим молитвам долететь до небес.

– Что ж, придется самой к ней сходить, – огорчилась тетушка Мара.

– У вас что-то приключилось? – забеспокоилась Марижа. Она, конечно, торопилась, и ей столько всего нужно было сделать, перед выходом. Да и тяжелая корзина с ягодами тянула руку. Но видимо у тети Мары действительно случилось что-то неприятное, раз она собиралась в такой праздник идти к Святылищу и отвлекать жрицу от ее молитв...

– Да если бы у меня одной! Ручьянка наша вон вся в красный цвет окрасилась! – соседка в порыве беспокойства заломила руку и прикусила губу.

– И что же? В первый раз, что ли? – с облегчением удивилась девушка.

– А то, деточка, что в канун Скорогода это особенно плохая примета! – поучительно воскликнула Мара, и Марижа постаралась скрыть свои мысли о том, что, похоже, у соседки голова набекрень в преддверии большого праздника.

– Вот как? – постаралась огорчиться Марижа. – И что теперь будет?

– Да ты ступай, ступай. Позаботься о Фафике и не забивай голову, – сказала тетя Мара, стараясь успокоить девушку, и той тут же стало стыдно за свои непочтительные мысли. Вслед за угрызениями совести закралось и настоящее беспокойство.

Перед тем как зайти в дом, Марижа бросила взгляд в сторону реки и увидела своего отца, который с другими мужиками готовил праздничный костер на берегу. Девушка зашла в дом и, проведав братика, принялась заваривать ему ягоды уекулы. Отвар он будет пить три раза в день, а перетертые и нагретые ягоды мать приложит ему на грудь перед сном. Остальной же собранный сегодня Марижей урожай – почти полная корзина – можно будет засушить на зиму.

Их деревня была одной из самых благополучных в округе, и такому положению вещей не могли нарадоваться ее жители, а завистники не понимали, отчего так происходит? Вислане склонны были списывать свое везение на заступничество Торпа – ведь в их святылище совершала ритуалы одна из самых сильных его жриц. Так что же за беда может свалиться на Вислу?

А везение заключалось не столько в соотношении солнечных и дождливых дней, хотя и в этом тоже, сколько в том, что различные напасти обходили Вислу стороной. Деревня находилась в отдалении от основных городов их страны – Белсоши, считай, что на границе с Моленией. В Вислу редко забредали чужаки, и селяне порой забывали о том, как живет основная масса простого народа в их стране. Легким напоминанием один раз в год служил приход сборщика налогов от них ...от ведьм. Да еще соседи из Малого Заречья нет-нет да и заглядывали в гости и стращали вислан всякими рассказами. Верить в них было страшно. Проще было не верить...

Марижа помотала головой, прогоняя нехорошие мысли. За окном уже почти стемнело, и воды Ручьянки приняли свой естественный цвет. «Ну, вот и все!» – с облегчением подумала девушка, принимаясь за домашние дела. Надо было столько сделать перед уходом! Ведь мать придет из Святылища усталая и ей будет не до щей и не до курятника.

Когда все было готово, девушка ополоснулась и принялась прихорашиваться. Марижа надела свежую рубаху и новый сарафан. Она даже немного покрутилась, наблюдая, как ткань подчеркивает ее точеную фигурку. Настроение после разговора с соседкой у девушки почти выправилось. Она решила вплести в венок все-таки белую ленту. Так ее будет проще найти в темноте, когда она будет понарошку убегать от Лария. При этой мысли она совсем по-девчачьи прыснула в кулак. Фафик проснулся.

– Рижка! – позвал сестру братик. – Я пить хочу.

– Как ты, милый? – забеспокоилась девушка, пробуя губами лоб четырехлетнего малыша. Он опять был горячим.

– Где мама? – спросил он жалобным голоском.

– Мама скоро придет. Выпей-ка, – сказала Марижа, подавая Фафику готовый настой.

– Горько! – захныкал братишка.

Но сразу же замолк, прерванный диким воплем, донесшимся с улицы. За окном было уже совсем темно, и лишь костры освещали окрестности. От испуга Марижа пролила отвар и намочила одежду, но даже не заметила этого. В душе вновь всколыхнулись нехорошие предчувствия. В деревне иногда случались драки, но такого крика Марижа в жизни не слыхала. Истошный, иступленный, жуткий... Крик боли, крик смерти.

– Кто может так кричать?! – воскликнула она, подбегая к окну. Фафик заревел. Руки у девушки задрожали, сердце стремилось выскочить из груди. Страх и неверие все еще боролись друг с другом.

В маленькое окошко было видно множество костров, зажженных у реки – там всюду готовились к празднику. В самой деревне лишь несколько факелов да звезды освещали улицу – луна на небе еще не взошла. Сквозь испуг Марижа отметила неестественную тишину, опустившуюся на деревню. «Словно покрывалом кто накрыл» – подумала девушка, со страхом вглядываясь в темноту. И тут мимо окна проплыл страшный силуэт: мощная человеческая фигура на огромном, длинношеем звере.

– АААААААААА! Ведьмы! ВЕДЬМЫ!!! – раздался другой вопль, и Марижа на этот раз узнала, кто кричал. Это был Эйгол – их трактирщик. Звук унесся в сторону реки, и после этого вся деревня огласилась множеством воплей. Марижа кинулась к брату. Прижав его к сердцу, она бросилась к подполу, в надежде спрятать мальчика. Фафик разрывался от рева.

– Тише! Тише, Фафик! Прошу тебя! – уговаривала брата Марижа, трясущимися руками пытаясь открыть тяжелую крышку подвала.

***

Рраска плавно покачивалась в седле своего дакора. Они приземлились только у самой деревни, преодолев большую часть пути по воздуху. Ведьма провела рукой по волосам – от ветра они совсем спутались. Что ж, тем лучше. Чем страшнее вид, тем забавнее ведут себя эти глупые крестьяне. Их рабы.

Путь от оплота до этой жалкой деревушки они преодолели за пару часов. Не очень-то любила Рраска столько времени проводить в седле, но ей было не привыкать. Тем более, что впереди ждало стоящее развлечение! Особенно острыми были ощущения, когда селение было давно не пуганое – как здесь. Хотя, если быть точной, эта деревня по какому-то неведомому стечению обстоятельств была не пуганная вообще.

– Великая Ашдот приказала убить каждого второго! Вперед, сестры! – провозгласила она, подняв руку.

Двадцать фурий сметут эту деревню. Да! Этот Скорогод здешние людишки запомнят надолго! Рраска торжествующе расхохоталась, в предвкушении любимой забавы. Все-таки это никогда не надоедает – смотреть, как они кричат и мучаются, как они убегают, как путаются их ноги от дикого ужаса, как страх лишает их последнего разума... а ты их все равно настаигаешь и пронзаешь их трепещущие сердца, полные теплой крови. И так происходит всегда! Раз за разом! Раз за разом!!!

Рраска вдохнула аромат спелых яблок и сморщилась. Запахи смерти и крови скоро сменят запахи лета! Деревня огласилась криками ужаса. С минуту Рраска стояла неподвижно, наслаждаясь ласкающими слух звуками, и тут к ним примешался звук не менее приятный. Плач ребенка! Рраска повернулась в сторону ближайшего дома и спешила с дакора. Тяжелые сапоги глухо стукнулись об утрамбованную землю. Мощным ударом ноги ведьма вышибла крепкую дубовую дверь, вырвав крепление засова из стены. Она вошла в дом. Свет здесь шел только от очага, и углы комнаты терялись во мраке. Но разве это могло служить помехой ведьме? Нет, она видела в темноте лучше, чем кошка и сразу разглядела застывшую от страха

фигуру девицы, прижимавшую к груди какой-то поскуливающий комок. Как и все деревенские, селянка нарядилась на этот глупый праздник как смогла. Белая ленточка в волосах, выдала бы ее, даже если бы Рраска не была ведьмой и не видела в темноте. Презрительная и злая усмешка коснулась губ ведьмы, вызвав настоящий оскал.

Полыхающие фиолетовым огнем глаза ведьмы встретились с синими, расширенными от ужаса, глазами девушки. Рраска надвигалась неумолимо. Здесь не нужно было быть ведьмой, чтобы взять причитающееся.

– Отдай мне ребенка, – властно прошипела Рраска, не в силах сдержать дрожи от жажды крови, пронзавшей все ее существо. Она сделала последний шаг вперед и оказалась на расстоянии вытянутой руки от девки и ее поскуливающего комка.

Дыхание девушки перешло в судорожные всхлипы. Ведьма схватила мальчика за руку и резко дернула на себя, отшвыривая одновременно с этим ошалевшую от страха крестьянку. Голова ребенка резко мотнулась назад, издав едва слышный хруст. Девка отлетела, ударившись головой о стену. Она сползла вниз и больше не шевелилась. Осмотрев подозрительно обмякшее тело мальчика, ведьма сказала с досадой:

– Сдох, чтоб его взяли демоны.

После этого она бросила мертвого ребенка на пол, будто он был сломанной куклой. Ведьма принюхалась. Похоже инстинкт не подвел ее, и она сразу же зашла в дом жрицы. Здесь везде чувствовались отголоски ее силы. Чтож, скоро эта тварь лишится и силы, и жизни, не будь она Рраска, приближенная помощница Владычицы!

– Это ты здесь, Рраска? – раздался грубый голос со стороны двери.

– Да, я. Чего тебе, Дамирга? – со злобой рявкнула Рраска.

Дамирга зашла в дом и огляделась с нехорошей усмешкой. Она была почти одного роста с Рраской, но немного до нее не дотягивала, беря шириной плеч и мощным торсом. Волосы она предпочитала убирать в высокий хвост, чтобы, они не пачкались в крови... Рраска даже не пыталась скрыть свое презрение к Дамирге.

– Убила ребенка? И девку тоже? Великая Ашдот будет недовольна тобой!

– И не надейся выслужиться перед Владычицей, Дамирга! Девка жива, а малец все равно был слишком большой.

Дамирга в ответ лишь недовольно сверкнула взглядом, а потом сказала, как ни в чем не бывало:

– Святилище где-то в лесу. В деревне мы почти закончили. Оставили пару здоровых мужиков и всех баб, способных рожать. Дети собраны.

– Я разберусь со Святилищем. Сожгите тут все, – приказала Рраска Дамирге так, словно та была пустым местом. Пусть знает свое истинное положение! Они все лишь следуют за Рраской, она же – ведет их!

Не обращая больше внимания на Дамиргу, Рраска вышла из дома и направилась к дакору. Святилище дуба, действительно, было в лесу – это Рраска чувствовала ясно. В три минуты она долетела до опушки и приземлилась. Без страха вошла ведьма под темные покровы леса. Ее саму впору было бояться самому лютomu зверю. Да что там говорить, ведьма чувствовала, как все живое вокруг нее сжимается и умолкает. Ни птица не пискнула пока она шла по Дриму, ни лист не шелохнулся... Чем дальше она шла, тем сильнее чувствовала биение совершаемого жрицей ритуала. Эта тварь серьезно выросла за последний год, раньше она не была способна на такое. Теперь этому придет конец, и последнее Святилище паскудного Торпа будет предано огню! А сколько отрекутся от этого бога, узнав об участии, постигшей Вислу? Может быть, даже последние его приверженцы. При этой мысли Рраске захотелось торжествующе расхохотаться! Вскоре о нем совершенно забудут. Ведь намного проще жить, платя, кроме обычного оброка, скромную дань в виде пары младенцев в год и более ничем не рисковать. Скоро так

будут думать в каждой деревне. А жрицы Торпа – если такие остались! – уже гонимы повсеместно!

Чутье не подвело Рраску. Она шла точно к Святилищу. Да и мудрено было здесь заблудиться – такой мощный поток силы фурия не встречала уже давно. Владычица будет довольна своей помощницей. Сердце жрицы наполнилось силой и Верховной ведьме оно явно придется по вкусу. Королеве – королевское угощение! Эти грязные крестьяне уже настолько измельчали, что даже рядовой сестре их ведьминской общины сложно насытиться, съев сердце простого деревенского жителя. Ни силы в этих сердцах нет, ни жажды жизни. Преснятина, одним словом.

Вскоре она вышла на поляну, в центре которой горел большой шар света теплого желтоватого оттенка. В центре шара рос дуб и именно он издавал это дивное сияние. Рраска лишь брезгливо скривила губы – ей не слишком-то хотелось входить в освещенный круг.

Ведьма презрительно ухмыльнулась, подумав, что светлый бог так и не увидит сегодня россыпь горящих лучин на поляне у Святилища дуба. Ах, сколько молитв он сегодня не услышит... Зато ведьмы наслушались достаточно предсмертных воплей и бесполезных стенаний!

– Дерва! – крикнула она, остановившись на границе ореола.

Из-за дуба вышла немолодая женщина с мягкими чертами лица. Одетая она была в длинное ритуальное одеяние белого цвета. Едва она появилась, как свет распространился дальше и накрыл пришедшую ведьму, открыв ее жесткие, хищные черты лица, кожаный доспех, копну спутанных волос и дикий взгляд фиолетовых глаз. Зрачки ведьмы сузились, превратившись в две вертикальные полоски. Если бы она могла видеть себя со стороны, то непомерно возродовалась бы и возгордилась. Ведь это в ней проявилась мизерная капля сомгирской крови.

– Дерва, я убила твоего сына, – мстительно пропела она, впитывая в себя по крупице всю меру причиненной ее словами боли.

В ответ жрица ничего не сказала, и лишь сияние дуба немного померкло. Подбодренная ведьма сделала шаг навстречу женщине, схватила ее за горло и с дьявольской силой швырнула к корням дерева. Дерва упала, тихо охнув. Она смотрела прямо в глаза ведьме, и ее страх сменялся сосредоточенным смирением.

– Где твой бог, Дерва? – спросила Рраска, склонившись над поверженной женщиной. – Скоро о нем все забудут. Так же, как и о тебе!

Ведьма вытащила кривой раздвоенный кинжал и замахнулась, собираясь пронзить грудь Дервы, чтобы вырезать ее сердце. Неожиданно жрица поймала, занесенную для удара руку, и, глядя прямо в глаза Рраски, произнесла:

– Торпа не забудут. ТЫ не дашь этому свершиться. Я отдаю тебе свой дар, Рраска – дочь света.

После этих слов, сил сдерживать мощь ведьмы у жрицы не осталось, и кинжал опустился, пронзив грудную клетку слева от центра. Все было кончено – Дерва умерла. В ужасе Рраска смотрела на мертвую женщину, не в силах отвести взгляда от ее сияющих, даже после смерти, глаз. Дрожащей рукой выдернула она кинжал из груди жрицы, забыв о том, что хотела вырезать сердце. Сияние дуба меркло, ввергая окружающий лес во тьму. Постепенно он совершенно угас, и лишь труп жрицы немного светился. Рраска встала с колен. «Как она могла?» – вертелось в голове. «Она не могла достичь такого уровня. Это невозможно...» Лихорадочно ведьма ощупывала себя в поисках страшных изменений, которые могло навлечь проклятие, произнесенное жрицей перед смертью. Да-да именно проклятие. Ничем иным для ведьмы эти слова быть не могли.

Все оставалось как прежде и все же что-то изменилось. Страх. Страх, которого раньше не было, появился вдруг в темной душе ведьмы. Она гнала его от себя, но он не проходил.

Рраска быстрым шагом пошла обратно в сторону деревни. Выйдя на опушку, она увидела, что Висла уже догорает, а ведьмы ждут ее возвращения, готовые в любой момент сорваться

с места и улететь к оплоту. Сделав над собой усилие, Рраска загнала появившийся страх как можно глубже, села на дакора и полетела к своим товаркам. Те при виде предводительницы взмыли в небо, и Рраска увидела маленьких пленников, привязанных к спинам дакоров. Ведьмы выстроились косяком и прыгнули в сторону оплота. Рраска же тем временем сделала последний круг над деревней. Зависнув прямо по центру, она уколола раздвоенным кинжалом палец и уронила каплю темной, густой крови на многострадальную землю.

– Проклинаю! – мстительно прошипела она, злобно сверкнув глазами, и направила ящера вслед за остальными ведьмами. Вскоре летучий отряд скрылся за горизонтом, оставив о себе несмываемую память внизу.

ГЛАВА 3

Прекрасный город Златоград раскинулся на холмах. Он был подобен златотканому парчовому покрывалу, и ясное утреннее солнце играло на нем яркими бликами. Поистине, это было великолепное зрелище, достойное ласкать взор самого короля – Его Величества Арния Второго Милдента. Но не только венценосным особам был приятен открывающийся вид. Со всего мира люди приезжали в столицу Молении лишь затем, чтобы насладиться волнующими пейзажами. Горожане, особенно те, что владели наиболее высокими постройками, уже давно приспособились пускать на крыши охочих до прекрасных зрелищ гостей столицы и брать с них за это немалую мзду. И надо сказать, что даже великосветские вельможи порой не чурались этого способа подзаработать, а используемые крыши не простояли пустыми ни одного, даже самого пасмурного дня.

А взглянуть действительно было на что! Не зря столица Моленского королевства называлась Златоградом, ведь добрая половина его старых построек, возведенных еще при прапрадеде нынешнего короля – Алфидуке, была покрыта золочеными листами железа, или черепицей, выкрашенной золотой краской. Такова уж была прихоть монаршего пращура, вернувшегося из очередного военного похода с обозом доверху наполненным, золотыми слитками и драгоценными камнями.

Знающие люди облекли исторические события в красивые слова и получившуюся легенду рассказывали в многочисленных питейных заведениях все тем же гостям столицы, что по вечерам пропивали привезенные с собой денюжки. Естественно за вознаграждение, а порой и под аккомпанемент какого-нибудь сладкозвучного музыкального инструмента. А суть истории была такова: так уж вышло, что в те времена еще не существовало ни Златограда, ни Гордона – королевского замка, и король, находясь в поиске места для новой столицы, натолкнулся на эти чудесные холмы. Произошло все это в ясный солнечный день, и Алфидуку, не склонному к какой бы то ни было чувствительности воину, так понравилось это место, что даже вышибло у него скупую мужскую слезу. Вроде как в лучах золотого солнечного света он узрел будущий город, раскинувшийся среди холмов... И так глубоко запала та картинка в сердце короля, что повелел он основать здесь свою столицу и назвать ее Зелтодол, что в переводе со старомоленского языка означало – Золотые Холмы. Ну, а во время очередного пира монарху вдруг пришла в голову мысль, что неплохо бы сделать холмы и вправду золотыми, чтобы тем самым и увековечить свое имя, и сохранить золоченость холмов, которые теперь, были покрыты множественными строениями. Тогда-то и повелел грозный Алфедук каждому верноподданному позолотить крышу своего дома. Его сподвижники, те которым посчастливилось вернуться из пресловутого похода, оказались столь же удачливы, как и их король. Каждый рыцарь привез с собой по телеге доверху набитой золотом, вследствие чего ни один из них не нашел достойной причины, чтобы отказать прихоти монарха. А спустя годы гордый своим творением король сказал: «Пусть в небе не будет солнца, вместо него будет сиять крыша моего замка!»

***

Спустя столетия Зелтодол переименовался в Златоград. Город за это время значительно разросся, претерпев при этом существенные изменения. Без них обошлась только старая часть Златограда, которая теснилась вокруг королевского замка. А его громада, надо сказать, занимала целый холм, и не было лучшего места для услаждения своего взгляда открывающимся видом, кроме самой высокой башни Гордона – Смотровой. Но это место было открыто только самым почтенным гостям нынешнего короля – Арния Второго, например, посланцам соседних королевств, прибывших для решения дел государственной важности.

А еще Смотровая башня была излюбленным местом принца Орлиана, когда он был совсем ребенком. Особенно теплыми были те его воспоминания, в которых вместе с маленьким принцем в башню поднималась его мать – королева Лесания. Самым ярким из тех моментов был ее последний день рождения. Королева была прекрасна, хоть и сильно исхудала. Казалось, на ее лице остались только одни голубые глаза – настолько они были огромны и мерцали лихорадочным блеском. В тот вечер она оделась в бархатное темно-синее платье, которое удивительно сочеталось с цветом ее кожи и немного округляло ставшую угловатой фигуру. Из украшений королева отдала предпочтение любимой диадеме с голубыми топазами, да несколькими кольцами, которые едва держались на тонких пальчиках. После праздничного ужина она взяла сына за руку и повела его в место, где они больше всего любили бывать вместе. Это было только их время. Они поднялись в Смотровую башню, и ночной город оказался перед ними как на ладони. Платье Лесании сливалось с окружающей ночью, а диадема и глаза сверкали подобно звездам. Рядом с Орлианом мама не казалась такой печальной, какой ее видели в последнее время. Она ласково улыбалась и старалась рассмешить маленького сынишку. Принцу тогда не исполнилось еще и пяти лет, но мальчик очень любил мать и бережно хранил в памяти, связанные с ней воспоминания.

С тех пор Орлиан иногда приходил сюда. Это место навевало на него умиротворение, смывая все печали и невзгоды. К сожалению, в последнее время у принца все реже получалось появляться здесь.

Вот и сегодня у него никак не получалось посетить башню при всем его желании. День был в самом разгаре, в небе не было ни облачка, и солнце щедро изливало на землю свое тепло. Принц стоял в крытой галерее, выходящей на один из внутренних дворов Гордона. Стоило ему перевести свой взгляд вдаль, и он сполна мог бы насладиться чарующим видом Златограда. Орлиан задумчиво скрестил руки на груди. Принц давно привык не замечать золотую мишуру города, видя только то, что хотел увидеть: внутри стен замка, на плацу тренировались его солдаты. Это была его личная гвардия, в которую принимали лишь самых преданных и умелых воинов. Золотые орлы – вот как он назвал свою маленькую армию. Едва принцу исполнилось четырнадцать лет – возраст, когда мальчик начинал считаться мужчиной, отец сделал сыну подарок, отдав под его начало целую сотню солдат. Они были гордостью Орлиана.

С тех пор прошло одиннадцать лет. И теперь Золотые орлы превратились в элитное воинское подразделение, попасть в которое было далеко не так просто. И все же их численность за прошедшие годы значительно возросла.

Слишком многое изменилось с тех пор как принц был ребенком. Орлиан возмужал и превратился в отличного воина, радеющего за судьбу своего отечества. От отца ему передалась рослая стать, широкие плечи и пронзительные серо-стальные глаза. Многие узнавали в принце молодого Арния. Он был единственным сыном короля, а значит его преемником, и не мог не видеть, что в Молении уже давно правят не честь и благодетель, а корысть и продажность. Его отец сильно раздобрел, не отказывая себе в заморских яствах, а о количестве его наложниц ходили легенды.

Арний Второй не позволял своему отпрыску заниматься хоть мало-мальски серьезными государственными делами, боясь, что Орлиан узурпирует власть. И единственное, в чем молодой принц мог отвести душу – это в муштре своих солдат. Но и здесь отец не смог не вмешаться. Харий, его советник и первый придворный льстец, надоумил короля ограничить количество Золотых орлов. Хотя это-то пожелание было вполне понятно, учитывая общее направление мыслей короля.

Принц глянул на небосвод – солнце приближалось к зениту. В полдень должен был состояться королевский совет, который созвал сам Орлиан, и принц, оторвавшись от своих невеселых дум, направился в сторону Малого Тронного зала. Его Величество изъявил желание совместить совет с трапезой.

Из восточных построек замка, в которых находились казармы и прочие служебные помещения, принц должен был попасть в южные башни, где располагалась резиденция короля. Все еще наблюдая за солдатами, Орлиан прошел вдоль галереи в сторону выхода. В этой части замка все было устроено намного проще, чем в других. Здесь не требовалась та показная роскошь, которой пестрели парадные залы и покои остального Гордона. Лестница без вензелей и завитушек привела его к застекленному переходу в южный предел замка. Слуги, что встречались здесь ему на пути, носили цветные ливреи и низко кланялись, подобострастно опуская глаза. Затем принц прошел серебряный пассаж, наполненный сверканием всевозможных поделок от зеркал и столиков, до миниатюрных фонтанов. Жеманные пересмешки придворных дам звучали здесь особенно звонко, но сегодня Орлиан был не в настроении обращать на них внимание. Хотя сам без оногo не остался: высокого, широкоплечего принца женский пол принимал всегда благосклонно.

Пройдя анфиладу комнат и коридоров, принц оказался на месте. Малый Тронный зал был сравнительно небольшой и очень светлой комнатой. Два широких окна пропускали внутрь настоящие снопы солнечных лучей, а те, отражаясь от хрусталя и позолоты, озаряли пол, потолок и стены. Здесь стоял овальный стол и стулья. Королевский трон размещался во главе стола. Напротив него, на стене висела резная карта мира, на которой были изображены все известные страны: Моления, Ларьянмарское и Атамгадское княжества, Соран, Гитания, Лизия, Канай и Камкай, и другие более мелкие государства. За ними начинались малоизученные земли: на востоке плескался Бескрайний океан, на западе лежали Пустынные земли, с севера дышали холодом Студеные пустоши, а на юг простирались Дикие джунгли.

Убран зал был по последнему писку моды в Молении. Шелковые ткани виртуозно драпировали стены, а вытканые на них рисунки поражали воображение своей красочностью. Тут и там были расставлены живые экзотические цветы, которые издавали умопомрачительные запахи. На потолке лучший художник всех времен и народов – Лиин Соранский – изобразил Торпа за трапезой. Золоченые стулья с мягкими бархатными сидениями были готовы принять в свои ласковые объятия гостей короля. Десять прислужников готовились ловить каждое движение монарха и его приближенных, разнося яства, лакомства и напитки.

Когда Орлиан подошел к залу, в нем уже собралось большинство приглашенных советников. Сам принц тоже имел место в королевском совете – ведь он был наследником престола. Хотя едва ли у кого-то возникали сомнения по поводу его истинного влияния на короля. И все же в этот раз он сумел настоять на внеочередном собрании для решения одного очень важного, не терпящего отлагательств, дела. Принц долго шел к этому и, в конце концов, решил, что больше ждать нельзя. Слишком долго этим делом пренебрегали на самом высоком уровне, и никто кроме самого Орлиана поднять этот вопрос не стремился.

Итак, все шестеро приглашенных советников короля собрались за овальным столом и теперь тихонько переговаривались в ожидании. Принц по праву рождения сидел напротив трона и ему одинаково хорошо было видно каждого сотрапезника. Отцу надо было отдать должное – все шестеро были достойными людьми. Конечно, каждый из них в какой-то мере

продвигал собственные интересы, и с некоторыми у Орлиана сложились довольно прохладные отношения. Несмотря на это здесь собрались самые мудрые и наиболее преданные Арнию мужи королевства. Государь не назначал в советники человека, руководствуясь его возрастом или древностью рода. Ему были важны его знания, может быть, связи или навыки в определенных областях, которые король на данный момент времени хотел развить в стране.

Отвлечшись от размышлений, Орлиан отметил, что король запаздывает. Наследник короны вновь бросил оценивающий взгляд на советников. Он подумал, что их реакция на его предложение будет весьма неоднозначной. Принц понимал, что едва ли среди них найдется кто-то столь отчаянный, кто безоговорочно поддержит его идею. Он готовился услышать массу критики, но важнее всего Орлиану было достучаться до отца.

Орлиан начал ловить на себе многозначительные взгляды советников – прошло уже довольно много времени, а король так и не появился. Когда принц был уже готов поверить, что совет не состоится, до Малого Тронного зала донесся приятный баритон Арния Второго, журившего свою фаворитку за нерасторопность, и ее мелодичное хихиканье. Двери распахнулись, и распорядитель объявил:

– Его Величество Арний Второй!

В зал царственной поступью вошел король. С собой он сегодня изволил взять не одну, а двух фавориток. Обе были разодеты как попугаи и примерно так же покрашены. Казалось, они соревнуются между собой в желании больше угодить своему владыке. По правую руку от короля пристроилась высокая, рыжеволосая баронесса Ферлилия Рут. Слева, стараясь ни в чем не отставать от напарницы, хлопала глазами пока еще мало кому известная барышня, именем которой принц даже поинтересовался. Впрочем, большого будущего этой особе никто не прочил – таких провинциалок как она, в постели Арния побывало без счета.

Принц брезгливо опустил взгляд, не желая смотреть на размалеванных девиц. Отец явно хотел превратить совет в балаган, приведя сюда этих шлюх. Даже сам он не отзывался о них иначе. Король грузно уселся на трон, а фаворитки заняли посты позади него.

– Господа, приветствую вас! – сказал король после того, как отхлебнул из бокала золотистого южного вина. – Я предлагаю вам сначала отобедать, а затем заняться делами. Негоже заседать на пустой желудок.

Говорил король добродушным тоном, но едва ли кто-то посмел бы оспорить его предложение. Однако Орлиан хорошо знал своего отца и прекрасно понял его нежелание тратить здесь время, так же как и то, что король хотел под каким-нибудь предлогом уйти сразу после трапезы. Мол, вы тут посоветуйтесь, а я потом подумаю, одобрить ваше решение или нет. Таким образом, он поступал уже не раз, когда не хотел затрагивать тот или иной вопрос. И естественно больше никто не спрашивал о деле, завалившемся в долгий ящик, ведь это было чревато большими неприятностями.

– Ваше Величество, позвольте, я начну – все равно я не голоден, – и, не дожидаясь позволения отца, принц встал и подошел к карте мира, висевшей на противоположной от короля стене. От такой наглости один из советников даже поперхнулся, но Орлиан предпочел этого не заметить, как и потемневший от гнева королевский взгляд. Сегодня он был намерен идти до конца.

– Господа советники, Ваше Величество! Сегодня мы собрались, чтобы обсудить вопрос о состоянии дел в Белсоши. Я начну с предыстории, чтобы перед вами предстала полная картина. Двадцать пять лет назад Белсошь являлась провинцией Молении. Там говорят на одном с нами языке и молятся тому же богу, что и у нас, – принц показал на карте те границы королевства, что были актуальны двадцать пять лет назад. В реальности же граница его страны выглядела так, словно кто-то откусил от нее хороший кусок. – Там живет наш народ. Двадцать пять лет назад, по никому не понятным до сих пор причинам, богатый и теплый край был безвозмездно отдан лорду Гарду, о котором уже много лет ничего не слышно.

– Довольно, сын! – терпению короля пришел конец, и он даже встал с трона. – Ты переходишь границы дозволенного!

В зале повисла мертвая тишина. Разряженные спутницы короля уставились на принца, пытаясь сообразить, как им вести себя в такой ситуации. Орлиан еще никогда не осмеливался настолько явно идти против воли отца, да еще и на виду у придворных. Каждый советник уткнулся в свою тарелку и делал вид, что усердно изучает ее содержимое, совершенно не замечая того, что происходит вокруг.

– Позвольте мне закончить, отец! Сегодня я ставлю вопрос не об этом. Позволь мне, прошу тебя!

– Хорошо, я выслушаю тебя, Орлиан, – король с большим трудом взял себя в руки и вновь уселся на трон. Фаворитки короля старались не дышать, стоя за его спиной. На их лицах явно читалась надежда, что Его Величество забыл об их существовании.

– Благодарю Вас, Ваше Величество! – церемонно поблагодарил Орлиан отца. Советники дружно выдохнули, стараясь, впрочем, чтобы их облегчение не бросилось в глаза королю. Между тем принц продолжил свою речь, – Граница Белсоши уже более двадцати лет напрочь закрыта для остального мира и, тем не менее, до нас доходят слухи о том, что там происходит. Даже если предположить, что хотя бы десятая их часть правда, волосы, господа, встают дыбом. Но у меня есть основания полагать, что правдивы они все.

– Неведомая ранее в нашем мире сила захватила там власть, – продолжил Орлиан, переводя дух. – Там правят ведьмы.

Вот он и произнес это запретное в Молении слово. И особенно оно было запретно в королевском замке, хотя отчего так сложилось, не знал, наверное, ни один придворный. Едва оно прозвучало, как солнце на небе закрыла туча, и в комнате необычайно потемнело. Сидящие за столом люди стали неуютно ежиться.

– Ваше Высочество, при всем уважении, вы навлечете на нас беду своими разговорами, – как бы в шутку выразил всеобщее неодобрение Сагран Келто. Между делом он поправил свой накрахмаленный воротничок и смахнул воображаемую пылинку с рукава. Его серые глаза, блуждая, остановились на Орлиане. В свободное от заседаний в совете время, Сагран командовал полком королевских гвардейцев и, хотя с первого взгляд он мог показаться человеком легкомысленным, относился к своим обязанностям в высшей степени серьезно.

Между тем, туча прошла мимо, и солнце вновь осветило Малый Тронный зал.

– Вы ошибаетесь, почтенный граф, – ответил Орлиан совершенно серьезно. Высокий и статный, он словно олицетворял справедливость. – Эту беду мы уже навлекли на себя двадцать пять лет назад. А расплачивается за ту ошибку пока что только народ Белсоши. Но я уверен, что скоро придет и наш черед.

– К чему вы клоните, принц? – задал вопрос Зим Харий. Буря вроде бы миновала, и он откинулся на стуле, поудобнее устраивая на нем свой тощий зад.

Орлиан приготовился идти в наступление. Зим в стремлении усилить свое влияние на короля никогда не находил у Орлиана поддержки. Холодность принца раздражала его.

– Вы в курсе, какие именно вести приходят из Белсоши, советник? – Орлиан подался вперед, к Зиму. Его пронзительные серо-стальные глаза встретились с карими глазами советника.

– Нет, принц. В мои обязанности не входит следить за состоянием дел в Белсоши, – легкомысленно ответил тот и гордо вздернул свой длинный кривоватый нос.

– Вы не находите это странным, советник Зим? – напирал наследник престола. Он глянул на короля и продолжил, – А между тем это соседнее с нами государство. Ведь вы в курсе того, что происходит в Гитании или, скажем, в Соране?

– Таково было желание моего короля, – Харий затравленно посмотрел на Арния, явно ожидая от него поддержки. Король сидел мрачнее тучи.

– В таком случае, я расскажу вам о том, что знаю сам, – продолжал наступление принц. Сейчас он старался не думать о том, что все ниточки ведут к его отцу. – В Белсоши уже давно правят ведьмы. Мы не знаем, из какой преисподней они пришли, но они на нашей земле и это факт. Теперь ясно, что случившееся четверть века назад – результат хорошо спланированного заговора. Ведь Белсошь никто даже не пытался вернуть, словно ее никогда и не существовало. Ведьм очень много, и черная магия их постоянная спутница. Они уничтожают культ Торпа, взамен заставляя людей верить в своего бога. Бога смерти – Улана. Они убивают жителей городов и деревень, принося их в жертву, пьют кровь младенцев, сеют проклятия и смерть. И самое страшное – они множатся день ото дня, и скоро им станет совсем мало места. Я больше чем уверен – одной провинции им покажется недостаточно.

– Откуда у вас эти сведения, Ваше Высочество? – спросил лорд Гайни. Орлиан заметил, что слушал Уелей очень внимательно. В его доброжелательных голубых глазах сквозил искренний интерес. Уелей был ровесником Орлиана и славился своей честностью и благородством.

– Эти вести принесли те немногие беженцы, которым удалось вырваться из ада, что царит сейчас в Белсоши, – ответил Орлиан.

– Не буди лихо, пока оно тихо, мой принц, – задумчиво проговорил граф Келто, смотря в стол. На этот раз его голос был серьезен. – Ведь сейчас все спокойно. А что происходит в соседнем государстве... так, касается ли это нас?

– И это слова рыцаря?! – не сдержал негодования Орлиан, отпрянув назад. Предчувствия относительно графа его не обманули. – Господа, я предпочту сделать вид, что не слышал последних слов графа Келто. Я предлагаю начать освободительную войну в Белсоши. Сейчас весь мир находится под угрозой. Ведьмам удалось закрепиться, и, я боюсь, даже годы войны не смогут до конца искоренить эту заразу. Но если мы и дальше будем попускать им их безобразия, рано или поздно они поработят нас!

– Так уж сразу и войну! Ваше Высочество, вы не размениваетесь на мелочи! – выразил саркастическое одобрение Аскольд Ржавый. Он сцепил руки на объемистом животе. Аскольд был чуть младше Арния, они вместе воевали. Свой титул и место в совете он получил после того, как спас королю жизнь во время очередной битвы. Может быть из-за этого, а может просто в силу своего характера граф Коряжич мог, не страшась, поспорить с королем. К тому же он был сторонником войны, и Орлиан возлагал на него немалые надежды, собираясь на этот совет.

– Да, войну! Именно войну! – пылко откликнулся Орлиан, с надеждой взглянув на графа Коряжича. Но Аскольд лишь неопределенно помялся и тоже посмотрел на короля – тот сидел все такой же мрачный и переводил взгляд с одного советника на другого. Похоже, с годами старый вояка стал куда более осторожным, чем прежде.

– В словах принца есть зерно истины, господа. С этим нельзя не согласиться, – внес свою лепту во всеобщее обсуждение старый лорд Монмар. Его седые волосы стали совсем редкими и чахлыми, а пальцы он держал сцепленными, чтобы было не так заметно, как они трясутся. Мудрость Лески Монмара не подлежала сомнению и чаще всего его советы были дельными. Но иногда он, словно забываясь в каком времени живет, предлагал совсем уж несуразные вещи. Впрочем, Арний до сих пор не отправил его на покой именно из-за его огромного опыта, нажитого за долгую жизнь. – Но давайте взглянем на ситуацию с экономической точки зрения. Может ли сейчас Моления позволить себе войну? Как заметил сам принц, войну, которая может затянуться на годы?

– И что же вы предлагаете, Монмар? – с наскоком спросил Харий. Ему хотелось отвоевать утерянные позиции.

– Начать с малого. Послать гонцов для начала. Возможно, все не так страшно и с ними вполне можно договориться!

– Договориться с ведьмами?! Ну, это вы хорошо пошутили! – воскликнул герцог Нагайский. Это был рослый мужчина в самом расцвете сил. Его лицо носило печать многолетнего

политиканства, но в целом он производил приятное впечатление. Советник Эддам Нагай от души заботился о благе Молении. По крайней мере, Орлиан искренне убежден в этом, а негодование герцога лишний раз подтверждало его уверенность.

– С ними нельзя договориться! – горячо поддержал Эддама Орлиан. – Их надо выжигать каленым железом. Если начать разговаривать, можно последние минуты жизни провести, крутясь на вертеле!

– Ваше Величество, а что вы на все это скажете? – решил обратиться к молчавшему доселе королю Уелей Гайни, и тем самым положить конец разгорающемуся пустому спору. Арний сидел все такой же угрюмый, и даже его вездесущие фаворитки куда-то испарились. Видимо он отослал их, чтобы не мозолили глаза при серьезном разговоре. Несколько минут Арний Милдент молчал. Все ждали, что же скажет король.

– Я прошу оставить нас с сыном наедине, господа. Нам предстоит нелегкий разговор, – сказал он совсем не то, что от него ожидали услышать.

В Малом Тронном зале повисла мертвая тишина. Советники с несмелым недоумением переглянулись. Затем, скрипя стульями по полу, они стали покидать свои места и молча выходить за дверь. Лишь граф Коряжич, да лорд Монмар встали из-за стола как ни в чем ни бывало, сохраняя достоинство. В течение одной минуты отец и сын остались одни.

– Орлиан, сядь, – приказал король. Когда принц исполнил пожелание отца, Арний встал и подошел к карте. Мельком он кинул взгляд на нее, словно проверяя, не изменилось ли там чего с прошлого раза. Карта осталась прежней – взгляд короля скользнул дальше.

– Ты помнишь свою мать, сын? – Арний задал весьма неожиданный вопрос.

– Матушку? – удивился принц. – Конечно! Как бы я мог забыть о ней?

– Она... – король сделал над собой усилие, – она не могла иметь детей, Орлиан.

Сказав это, Арний словно согнулся под тяжестью произнесенных слов. Королева Лесания умерла около двадцати лет назад. Для короля, да и для самого принца, воспоминания о ней остались одними из самых светлых и дорогих.

– Что? Отец, что вы говорите? – Орлиан помолчал. – А я?..

– Дослушай меня и не перебивай, – в голосе Арния зазвучали стальные нотки. – А впрочем, нам лучше будет пройти в мой кабинет – разговор предстоит непростой.

Король развернулся и, не дожидаясь сына, прошествовал через весь зал к маленькой потайной дверке, спрятавшейся среди гобеленов и стальных ниш. Ключи от нее были только у самого Арния Второго, да у его камердинера, к которому король испытывал абсолютное доверие. Сеть междустенных тоннелей соединяла самые отдаленные уголки Гордона. До этого случая Орлиану еще не приходилось путешествовать тайными ходами южного предела Гордона – секреты королевского замка надежно хранились до поры до времени даже от него – наследника престола. Созывая этот совет, принц готовился к разным вариантам развития событий, но к такому повороту готов не был.

А между тем, король вел его, освещая дорогу свечой, взятой из Малого Тронного зала. Принц предполагал, что отец хочет срезать путь до своего личного кабинета, но оказалось Арний направлялся в тайный покой, известный исключительно узкому кругу лиц, в который, до сегодняшнего момента, Орлиан не входил. Они шли по узким простенкам, кирпичные стены которых были покрыты пылью и паутиной. Изредка свет свечи выхватывал из темноты факел, закрепленный на стене или провал бокового хода, уводящий в непроглядный мрак.

В покое, куда они пришли, тоже было темно. Окна здесь предусмотрены не были, вместо них во множестве стояли канделябры с потухшими свечами. Арний зажег несколько, и принц увидел нехитрую обстановку комнаты. По ней, по духу, что здесь царил Орлиан без труда узнал своего отца, каким он был еще до смерти королевы. И, по которому, на самом деле, принц безумно скучал.

Рядом с камином, лежала стопка дров, заботливо приготовленная Ронаем – камердинером. На противоположной стене висела любимая картина матери Орлиана, которая запропастилась куда-то сразу после ее смерти, и которую маленький принц потом долго искал. На ней был изображен единорог, пасущийся при луне. Его рог исходил серебряным сиянием, а глаза казались двумя сапфирами, в которых плескалась тоска по чему-то далекому... и нежность. Непонятная нежность.

«Вот, значит, куда она делась. Это отец ревниво спрятал память о любимой супруге, спрятал даже от собственного сына!»

Орлиан постарался запрятать всколыхнувшуюся обиду подальше и сел на стул, в ожидании, когда отец продолжит рассказ. Он потихоньку оглядывался в надежде увидеть еще какие-нибудь вещи, принадлежавшие Лесании, но с первого взгляда ничего примечательного не усмотрел. В ближнем углу стоял старинный комод из цельного дуба. На нем небрежно валялось несколько безделушек, но принадлежали они королю.

А тот не торопился начинать рассказ. Арний стал растапливать камин, словно вовсе и не был королем. На дворе стояло лето, здесь, в самом сердце замка, было довольно прохладно. В движениях короля сквозила простота и законченность. Он будто бы со сменой обстановки сбросил все ненужное и наносное, что заставляла носить его жизнь. Арний предстал перед сыном самим собой: просто мужчиной, облеченным властью, но от этого не ставшим менее человеческим. У принца возникло ощущение, что он совсем не знает своего отца.

Огонь разгорелся и осветил почти не видимый при тусклом свете свечей красный ковер, и истертые малиновые гобелены, сохранившиеся еще со времен молодости Арния.

Его Величество уселся в большое, удобное кресло и продолжил начатый им рассказ. За разжиганием камина он собрался с мыслями, и стал говорить бесстрастно, словно события, о которых он говорил, касались совсем не его.

– Мы были молоды, Орлиан, и безумно любили друг друга. – Арний еще раз глубоко вздохнул. – Но со времени нашей свадьбы прошло несколько лет, а наследник так и не появился. Десятки лекарей осмотрели королеву, и все как один заключили, что она не способна к деторождению. Королевский совет настаивал на нашем разводе. «Королева бесплодна! Династия прервется!» – кричали они. Я же не мог решиться на такой шаг – я любил твою мать и не хотел с ней расставаться. Редкий дар для короля жениться по любви. Если честно, я больше таких примеров не встречал... Я сопротивлялся, как мог. Говорил, что они сами, вместе с отцом выбрали для меня невесту. Что они хотели, чтобы она была из знатного королевского рода и принесла короне богатое приданое...

Я сейчас вспоминаю, с каким равнодушием ждал собственной свадьбы. Что я знал о ней? Третья дочь гитанского короля... Золотой рудник шел к ней в довесок... Я никогда ее не видел...

Но все изменилось, когда это миниатюрное создание с весенней улыбкой и небесными глазами предстало передо мной. Она улыбалась смело и открыто, хотя каждому было понятно, как ей страшно. Лесания первая распахнула свое сердце для меня, как бы приглашая прожить нашу совместную жизнь с любовью и радостью...

Она сама уговаривала меня развестись. Предлагала сделаться моей наложницей, а будущую королеву использовать один раз – для продолжения рода. Лесания ужасно переживала, но старалась не показывать вида. Весь двор был наслышан о перипетиях нашей семейной жизни. Да что там двор! Соседние государства тоже не остались в стороне. Ведь каждому королю или императору хотелось породниться с Милдентами. Да они и сейчас хотят...

Принц жадно ловил каждое слова отца, слегка подавшись вперед. Для Орлиана было в новинку подобное общение с ним, ведь прежде Арний старался держать сына на расстоянии.

Принц живо мог себе представить положение молодого монарха, на которого со всех сторон наседали и придворные, и советники, и послы соседних королевств. Они требовали и

твердо стояли на своем, в стремлении добиться желаемого результата. Арний всегда отличался железной волей, и принц был уверен, что отец выстоял тогда. А вот жизнь королевы Лесании, должно быть, стала похожа на ад...

– И вот однажды ночью ко мне в спальню, словно вор, проник мой близкий друг и соратник – сэр Гард, – продолжал тем временем король. – Ты скажешь, не так-то просто проникнуть в комнату спящего короля. Я и сам тогда удивился, но не придавал этому значения – это был один из самых преданных моих товарищей, мы вместе выросли. Удивление мое было столь велико, что я запомнил спросить у него, как он смог миновать стражу и не потревожить камердинера. Это сейчас я понимаю, что все было не так просто и не обошлось без колдовства, но тогда подобное мне в голову не пришло. А когда он сказал, зачем явился, все посторонние мысли и вовсе покинули мою голову. Он поведал мне странную историю о неземной любви, обрушившейся на него, как снег на голову. С лихорадочно горящими глазами он расхваливал мне свою избранницу до тех пор, пока не лопнуло мое терпение, и я не оборвал его, напомнив, что он находится в королевской опочивальне. Тогда Гард собрался и рассказал о том, какая чудесная врачевательница его будущая жена. Как она умудряется ставить на ноги калек, спасает больных детей и помогает людям перебороть смертельные болезни, от которых еще никто и никогда не вылечивался. Он сказал, что Гардения сможет помочь моей королеве и забеременеть, и родить.

Тут король не выдержал и надолго замолчал. Молчал и принц. Он смотрел на единорога и вспоминал мать. Ее нежные руки и ласковый голос. Ее весеннюю улыбку. С какой любовью она смотрела на него, как лохматила непослушные волосы. Как нежно обнимала его перед сном... Он мог представить, что и король вспоминает сейчас то же самое. Орлиан чувствовал небывалое единение с родителем и был благодарен за рассказ, пусть и запоздавший лет на десять.

– Я тогда пообещал ему и его Гардении любую награду, какую они только пожелают, – продолжил король, собравшись с силами, – и Гард удалился, пообещав, что представит свою избранницу на завтрашнем балу. Я не сомкнул глаз все оставшееся до утра время. Лесании я не стал ничего говорить, боясь поселить в ее сердце пустую надежду. А вдруг бы ничего не получилось? Что тогда? Уже не раз нам являлись небывалые целители, после провала которых, моя жена надолго теряла блеск в глазах и переставала улыбаться. И вот настало утро, прошел день и вечером начался бал. Играла музыка, мы с королевой сидели на тронах, в ожидании, когда закончится представление гостей. И вот распорядитель объявил: Лорд Гард со своей невестой, прекрасной Гарденией! В зале тогда раздались смешки. Гард и Гардения! Ну не диковинное ли совпадение? Но как только эта женщина проходила мимо смеющихся людей, их улыбки гасли, сменяясь изумленным восхищением – настолько она была прекрасна! Гардения притянула к себе взгляды абсолютно всех присутствующих в зале мужчин, включая слуг и лакеев. Не был исключением и я. На одно мгновение она ослепила меня своей открытой улыбкой, сияющими зелеными глазами, своими золотыми волосами. Она была совершенна! Но через секунду я пришел в себя, как после какого-то наваждения. Да это и было наваждение, но ее чары сразу отпустили меня, так как ей был нужен не я. После этого Гардения казалась мне просто очень красивой женщиной, но не более того. Я любил свою жену.

Мы договорились об аудиенции назавтра в полдень. Они пришли, и Гардения при мне провела осмотр Лесании. С радостью она сообщила нам, что может помочь и с удовольствием сделает это. Лесания скоро станет матерью! Мы были на седьмом небе от счастья. После этого она попросила меня оставить их одних, что я и сделал. Через полчаса женщины пригласили меня обратно, и Гардения сказала, что все в порядке, королева теперь здорова, но родить сможет только один раз. Мол, сил и знаний целительницы хватило только на это. Но мы были несказанно счастливы и даже немного не верили – ведь столько лекарей пытались помочь королеве на протяжении многих лет, а Гардения умудрилась сделать это за полчаса. Я сказал, что награду она получит, как только станет известно о беременности Лесании. Невеста Гарда с

улыбкой согласилась. Через месяц они поженились, а Лесания была уверена, что ждет ребенка. Сразу после венчания лорд Гард с женой явились к нам, чтобы предстать в новом качестве и попросили свою награду. О беременности королевы не было никому известно кроме меня и ее лекаря, но Гардения заявила, что своим наметанным глазом легко различает такие тонкости. Удивленный и несколько обескураженный, но донельзя благодарный, я спросил, чего же желает молодая чета. Гард начал издали, но быстро свел свою речь к одному: и он, и его жена давно мечтают о собственном королевстве. Пусть оно будет маленькое, но свое. В качестве обещанной награды и свадебного подарка молодожены хотели бы получить независимость провинции Белсошь, владельцем которой являлся тогда лорд Гард. Сказать, что я был ошеломлен этой просьбой, это не сказать ничего. Белсошь – плодородный край, шестая часть Молении, приносящая в казну восьмую часть всех налогов. Вообще, подобная просьба была совсем не в духе Гарда (да и хотел бы я посмотреть на человека, для которого она показалась бы нормальной, если только он не король враждующего государства). Но в последнее время он сильно изменился. Отдалился от меня, начал реже бывать при дворе, стал замкнутым и нервным. В общем, за такую просьбу впору было казнить наглеца или, в качестве более мягкого наказания, признать его душевнобольным. Все эти мысли пронеслись в моей голове, и я был готов ответить отказом, простив друга только из-за беременности королевы.

Но тут в разговор вступила Гардения. Я не знаю, что видели и слышали окружающие нас люди, но я по ее словам и взгляду понял совершенно определенно, что если хочу сохранить жизнь будущему наследнику, мне придется подарить Белсошь Гарду и признать его ее королем. Тогда я и понял, что передо мной исчадие ада – на краткий миг она показала мне свое истинное обличье и в ту же секунду вернулась к прежней наружности. До сих пор мне иногда снятся кошмары про тот день. Словно загипнотизированный, я согласился удовлетворить просьбу Гарда после рождения ребенка. Я хотел быть уверен, что он родится здоровым и нормальным малышом. Совет взбеленился, но я оставался непреклонен, и после твоего рождения Белсошь отошла к Гарду. Я оборвал с ним всякие отношения, а он не стремился их наладить. Вскоре про него никто не вспоминал, а потом даже и не слышал. Белсошь закрыла свои границы, ни один шпион не вернулся с докладом. Все они как в воду канули, и я понял, что провинция потеряна навсегда. Тогда последовала целая буря со стороны соседних королевств. Каждый правитель хотел оттяпать от Молении кусок пожирнее. Грех было не воспользоваться возможностью раз уж Арний Второй оказался таким мягкотелым простаком. Я тогда быстро заставил себя уважать и на мою страну никто не покушается вот уже двадцать пять лет.

– А что же стало с мамой? – подавленно спросил Орлиан спустя некоторое время.

– Лесания на удивление легко родила, и целый год после родов все было прекрасно, – отрешенно ответил король. Его взгляд говорил, что мыслями он полностью погрузился в прошлое, и сейчас заново переживает каждый миг ушедших в небытие дней. – Она кормила тебя грудью, отказавшись от кормилицы. Заявила, что ждала тебя столько лет и ты ее единственно возможный ребенок, и поэтому она хочет выкормить тебя сама. А потом она стала угасать. Силы ее таяли с каждым днем, она все худела и бледнела, и вскоре совсем слегла. Врачи наперебой галдели о подорванном родами здоровье. Завели опять разговоры о невозможности забеременеть и тем более выносить ребенка... И, хотя ты был живым доказательством их неправоты, твоя мать медленно умирала у меня на глазах. Когда тебе исполнилось пять лет, ее не стало.

ГЛАВА 4

Раска испытывала адское удовлетворение от полета на спине дакора. Ведьма любила неистовый шум ветра в ушах и резкий свист воздуха, рассекаемого крыльями ящера. Ей нравилось ощущать силу, с которой она неслась через пространство. Ее пьянило ощущение вла-

сти над дакором, над рвущимися вокруг нее небесами и над другими ведьмами, что неслись за ее спиной.

Все эти ощущения были настолько захватывающими, что Рраска на какое-то время даже забыла о происшедшем в Дриме. Она позабыла о невесте откуда взявшемся страхе, и уж давным-давно ее не беспокоили слова, произнесенные светлой жрицей на смертном одре. Ведьма вся отдалась упоительному чувству власти, в такие минуты ей казалось, что весь мир лежит у ее ног.

Да, это был пресный и унылый мир, наполненный человеческим бляением и мелочным копошением вырождающихся людей. Но дуновение Сомгира, несущееся вместе с ней на шипастой спине дакора, привносило в него нечто дикое и пьянящее, отчего по-новому играли мрачные тени настоящего, которому она принадлежала.

Ведьмин клин беспрепятственно долетел до оплота и нырнул в темный провал. Здесь, уходя под землю на много ярусов, глубоко вниз росла Ведьмина гора. Над оплотом никогда не светило солнце – это испарения от зелий, что варились в колдовских котлах, вздымались вверх от провала и загораживали собой солнце. Чаше они просто вызывали бурные реакции в небе, в результате которых наверху постоянно сверкали молнии и рокотал гром. Благодаря этим колдовским тучам ведьмы и день, и ночь могли творить свои богомерзкие обряды и заклятья, не боясь солнечного света.

Рраска спрыгнула с дакора и огляделась. Ее двадцать ведьм приземлялись одна за другой, и каждая тут же кидалась к вожаемой добыче. Все они привезли по маленькому пленнику, усыпленному на время полета. А добыча была хороша! Давненько им не удавалось достичь столь впечатляющих результатов. Люди мельчали и от них было уже невозможно получить все необходимое. Не зря Рраска уже давно советовала владычице предпринять шаги к расширению захваченной ими территории. Белсошь была слишком мала, чтобы ее надолго хватило целой Ведьминой горе...

Но, подумав про Ашдот Кровавую, Рраска приуныла. Она не выполнила задания, возложенного на нее королевой ведьм. Как же ненавидела в себе Рраска ту каплю человеческой крови, которая заранее сводила на нет каждую ее попытку подняться выше, чем она стояла! Фурия в закипающей ярости смотрела, как ее товарки, улюлюкая и глумясь, таскались с младенцами. Каждая из них была не без прибытка, каждая что-то, да урвала... Принесла своим сестрам надежду на будущее. Гарантировала общую силу на много дней... Но только не Рраска.

В эту минуту она ненавидела себя. И ненавидела свою мать за то, что та водила шашни с человеком, за то, что она не избрала на свое ложе чистокровного геверкопа, как любая уважающая себя ведьма... за то, что, продолжая свои игры, не уничтожила дитя позора еще во чреве, ведь она могла узнать о беременности почти сразу после зачатия... и, наконец, за то, что дала ей такую никчемную жизнь. Единственное, что могло быть хуже полукровки, это – мальчик-полукровка. Он никогда не наследовал дар матери, и свою совсем короткую жизнь, как правило, заканчивал на алтаре Ауркадо.

Рраска сама не заметила, как по ее щеке скатилась предательская слеза. До этого момента она вообще не знала, что это такое.

Зато слезу заметили другие ведьмы. Для них то, о чем Рраска забыла во время упоения полетом, было очевидно еще тогда, когда она вышла из леса, и все поняли, что она идет с пустыми руками. А теперь их предводительница плакала на виду у всех!

Рраску обуял гнев. Она огляделась и поняла, что всю дорогу эти падальщицы обсуждали ее промах. Дамирга стояла в сторонке, многозначительно подняв бровь, и наблюдала за ней как за подопытной мышкой. Ее насмешка была очевидна.

Как Рраска могла объяснить свой поступок? Почему не вырезала сердце Дервы? Пожалела? Испугалась? Смешно! Или просто забыла? Еще смешнее! И хотя все три причины в той или иной степени были правдивы (за что Рраска ненавидела себя еще больше) ни одной ува-

жающей себя ведьме и в голову бы не пришло поверить в такой бред! Да сама Рраска первая бы отдала ведьму, которая привела подобные оправдания, под суд Круга. А он, как известно, еще никогда и никого не оправдывал. И участь осужденных была незавидна.

Ей нужно было утвердиться, отвоевать потерянное уважение. В бессильной ярости Рраска мощным пинком отбросила человека, стремящегося принять повод ее дакора. Хрипло и безнадежно всхлипнув, он осел безобразным кулем у дальней стены посадочной площадки.

Рраска должна была отправиться с докладом к королеве ведьм – та жила на шестом ярусе. Наплевать, что думают другие. Важнее, что скажет ее королева, которая всегда ценила в Рраске ее настоящие качества и стремления. Рраска вновь стала собой.

– Проследи тут за всем, – сквозь зубы бросила она Дамирге.

Дамирга опешила от столь резкой перемены. Когда она открыла рот, чтобы осадить зарвавшуюся Рраску, та уже чеканила шаг в сторону лестницы.

Вокруг своей обычной жизнью жил первый ярус Ведьминой горы. Он походил на кипучий муравейник – столько здесь было мельтешения. Основную его часть занимали стойла дакоров, что в несколько рядов огибали взлетную площадку. На ней же постоянно кто-то взлетал или садился, и служки то и дело сновали туда-сюда, подводя летающих ящеров, или, наоборот, принимая поводыя.

Служками обычно становились пленники, показавшие должное подобострастие. За это они получали много-много недоступных другим возможностей. Они видели дневной свет, хоть и приглушенный вечными тучами. Они могли проявить себя и услужить господам-ведьмам еще лучше, за что многие получали дополнительный кусок хлеба, иногда даже с хрящиком. Никто не обещал, что он говяжий. Но этим никто и не интересовался... Правда служку при дакоре вполне мог съесть сам дакор. Спокойным нравом эти животные не отличались, порой выводя из терпения даже самих ведьм, которых они сами довольно сильно боялись.

– С дороги! – рыкнула один раз Рраска и на ее пути тут же образовалась свободная полоса. Нерасторопные слуги здесь просто не выживали.

Ведьма прошла к лестнице на второй ярус, спустилась и через лабиринт коридоров направилась к межуровневому portalу. Она вновь вернулась к своим размышлениям, пытаясь понять, как ей себя вести, и как выпутаться из сложившейся ситуации.

Да, Рраска была любимицей Ашдот, не смотря на свою молодость. И как раз поэтому ее теперь и не пожалеют. Каждая фурия мечтала быть помощницей Владычицы, чтобы исполнять ее волю и управлять другими ведьмами. И каждая ненавидела Рраску за то, что именно на ее долю выпала эта возможность. Тем более, что Рраска была полукровкой! А теперь та же Дамирга явно метит на место, которое вот-вот освободится, и сотрет в порошок любую, кто встанет на ее пути. Ну, это мы еще посмотрим, кто кого сотрет!

За очередным поворотом показалось большое – в два человеческих роста – зеркало, оправленное в затейливую и громоздкую чугунную оправу. Рраска шагнула в портал и через мгновение оказалась на самом нижнем ярусе. В дальнем конце коридора стояли двустворчатые конусообразные двери, за которыми начинались обширные покои Верховной ведьмы, которые она никогда не покидала. Только что-то из ряда вон выходящее могло сподвигнуть Ашдот появиться где-то еще, ведь нигде она не была сильна так, как сидя на Тигровом троне. Около дверей на страже стояли четыре ведьмы-блюстительницы первой ступени, и каждая в руках держала по магическому посоху с громоздким острым набалдашником. Каждое навершие издавало тусклое свечение, готовое, по желанию своей обладательницы, мгновенно стать ослепляюще-ярким и смертоносным. Одеты блюстительницы были в ритуальные, заговоренные одежды, представляющие собой широкие полосы золотой ткани. Они свободно соединялись на груди, оставляя открытыми руки, и спадали вниз четырьмя неширокими, но длинными полотнищами. На голове каждая носила специальный убор конической формы из того же материала, украшенный драгоценными камнями.

Рраске вдруг стало неудобно в этом коридоре. Обычно настроженная атмосфера оплота вдруг показалась угрожающей. Даже резьба на стенах, мимо которой ведьма, потешаясь, проходила сотни раз, показалась на редкость утрашающей и жуткой. В замешательстве Рраска остановилась и пригляделась к искусной картинке, показывающей скопище демонов, забавляющихся с несчастной пленницей. Ее лицо было искажено страданиями, а мучители упивались своей властью, жестокостью и похотью. Изображения были столь мастерски вырезаны, что, казалось, жили каким-то подобием жизни. При пристальном взгляде все оставалось как обычно, но стоило лишь повернуться к стене в профиль, как боковое зрение начинало улавливать неясное движение на стене. Никогда раньше не замечала за собой такого Рраска, и от этого ей опять стало страшно. Словно желая развеять наваждение, ведьма-воительница вновь посмотрела на картинку и увидела паскудные рожи демонов, полные издевки. И на этот раз они глумились не над своей жертвой – все как один смотрели на Рраску. В душе ведьмы всколыхнулось раздражение. Видимо кто-то решил подшутить над ней таким гнусным способом. Что может быть унижительней, чем позор перед великой Ашдот?

Ведьмы-блюстительницы в дальнем конце коридора наблюдали за ней, и Рраска уже явственно ощущала на себе их подозрительные взгляды. Вновь в душе всколыхнулся мерзкий шепоток страха, который она усилием воли заставила умолкнуть. Стараясь отвлечься от шевелящихся картин на стенах, Рраска направилась к госпоже.

«Кто-то поплатится головой за такие шутки!» – поклялась про себя Рраска. Злость убила весь страх в ее душе, и напускная уверенность ведьмы сменилась настоящей.

– Повелительница ждет меня! – надменно произнесла Рраска, остановившись перед стражницами.

– Великая Ашдот примет тебя, Рраска! – свирепо сказала старшая блюстительница, и наверхие посоха предупреждающе блеснуло, отразившись в ее черных бездонных глазах.

Блюстительницы как по команде расступились, пропуская фурию в покои Верховной ведьмы. Одна из створок бесшумно приоткрылась, и Рраска оказалась внутри. Здесь словно начинался другой мир. Все в этом помещении было призвано принизить любого вошедшего, кем бы он ни был. Пусть ты друг – знай свое место, а если враг – то зри, с кем связался! Даже яростная и сильная Рраска, любимица владычицы, здесь начинала казаться себе маленькой нашкодившей девочкой. Но слава Улану, это ощущение быстро проходило, оставляя за собой лишь уважительное признание чужой силы.

Зал за конусообразными дверями невероятно раздавалось вширь и в высоту, превращаясь в огромную пещеру. Потолок терялся во мраке – стеклянные шары, с заключенными в них сияющими пикси, были не в состоянии осветить все пространство, уходящее ввысь. Маленькие феи – память из Сомгира – пожалуй, и так слишком быстро дохли, даже работая не в полную силу. Во всем остальном оплоте ведьмы использовали обычные факелы – для пленников, или магические – сконы – для себя. Но Ашдот испытывала слабость к освещению, даваемому именно мерцанием нежных крылышек пикси. Какие глубокие душевные струны затрагивали эти феи в душе владычицы оплота, какие воспоминания воскрешали в ее душе? Никто никогда не отваживался спросить об этом.

На расстоянии пятидесяти шагов от входа располагался трон Верховной ведьмы, который она по праву занимала уже второе столетие. Трон был покрыт мехом Белого тигра – владычица была уже не молода, и ее зад требовал мягкого обхождения. А еще эта шкура служила постоянным напоминанием о том, *кого* в молодости Ашдот смогла одолеть. Оскаленная голова тигра венчала спинку трона, и издали могло показаться, что она опускается на сидящую ведьму подобно своеобразной короне. Два изумруда, вставленные в глазницы мертвого зверя, мерцали в неверном свете пиксиевых шаров.

Из ноздрей Рраски шел пар. Здесь всегда было холодно – это был неперменный атрибут присутствия Верховной ведьмы. Пожалуй, феи так быстро дохли еще и из-за этого.

Стеклянных фонарей с пикси внутри было всего девять штук, и располагались они на равном расстоянии друг от друга, стоя вокруг Тигрового трона. Остальная часть пещеры терялась в крошечной тьме, из которой появлялась Владычица, и в которой она скрывалась, уходя на покой. Там, за темнотой, находилась ее спальня и, наверное, много еще чего, о чем остальные ведьмы не знали. Знали они только, что найти дорогу к нужному месту во мраке, можно было лишь пройдя вслед за Верховной ведьмой и с ее соизволения. А если его вдруг нет... суждено ослушнице стать Вечно Бредущей во Тьме, и никогда не найти ей дорогу обратно. А еще болтали, что, пройдя за ней, можно было вернуться в родной мир – Сомгир. Но пока что дорога туда была закрыта.

Трон Ашдот располагался на значительном возвышении – таким образом она могла наблюдать за всем что происходило в ее приемной зале. К тому же именно сидя на троне, Владычица была особенно сильна. К нему вела каменная лестница в девять ступеней, а у лестницы застыла в ожидании дочь Верховной ведьмы – Зазра. Ей было всего пятнадцать, но по своей свирепости и силе она обещала переплюнуть мать уже очень скоро. Мать и дочь – два антипода с одинаково черными душами. Одна была страшна, как смертный грех, а другая прекрасна, как ясное весеннее утро. Ашдот в молодости тоже была настоящей красавицей. Не зря говорят про ведьм, что чем краше они в молодости, тем страшнее в старости. И в большей степени это касается тех, кто в магическом плане особенно силен.

– А вот и моя любимица! – провозгласила с высоты постамента Ашдот, окидывая Рраску немигающим, пронизательным взглядом.

Рраска преодолела оставшееся расстояние до трона, опустилась на одно колено и, склонив голову, замерла.

– Хм-м, – многозначительно промычала Верховная ведьма после продолжительного молчания, в течение которого Рраска оставалась в коленопреклонной позе. В глазах Зазры появился нехороший огонек, а на ее губах заиграла ядовитая улыбка.

– Поднимись, дитя мое, – повелела Ашдот, делая соответствующий знак костлявой рукой. – Подойди ближе, дай-ка я взгляну на тебя.

Ведьма исполнила пожелание Владычицы и подошла на несколько шагов ближе, остановившись около первой ступеньки лестницы. Зазра при этом оказалась по левую руку от Рраски и из-под припущенных ресниц внимательно изучала приспешницу матери. Фурия постаралась отстраниться от присутствия принцессы ведьм – ведь их отношения сложно было назвать хоть сколько-нибудь дружественными. Но брезгливое превосходство чистокровной сомгирки безжалостно рушило все Рраскины барьеры. Безусловно, Зазра была зачата если не в Сомгире, то в Затененном покое королевы. И для этого владычица призвала геверкопа... Отчего-то об акте, произошедшем между демоном и старой, уродливой ведьмой, Рраске думать было неприятно. Она постаралась прогнать непрощенные и неуместные мысли.

– Расскажи мне, как все прошло, дитя? Хороша ли добыча? – тихо и вкрадчиво спросила королева. Ее взгляд буравил застывшую ведьму.

– Владычица, твое желание исполнено – жрица Торпа мертва, а деревня предана огню, – ответила Рраска, надеясь, что ее голос звучит не слишком покладисто, – Дерва больше не побеспокоит тебя, моя королева. Мы привезли двадцать младенцев для Ауркадо, а пленников из такой дали смысла везти не было – сами придут сюда.

– Славно, славно, – растягивая слова, произнесла Ашдот, все так же внимательно рассматривая помощницу. – А где сердце жрицы?

– Его нет, моя королева...

– Как нет?! – взорвалась Ашдот, и мнимая забота мигом ушла из ее голоса. Зазра довольно улыбнулась, отведа, наконец, взгляд от Рраски. – Ты должна была привезти мне сердце этой гусыни, мне нужна ее сила! Где оно? Отвечай!

– Владычица, его оказалось невозможно вырезать, там действовала непреодолимая защита. Мой нож сломался в груди Дервы и в этот же миг передо мной встал Торп, ограждая свою служанку. Я поспешила предупредить тебя об этом, прости, если я оказалась неправа.

Рраска и сама бы не поверила в такую ложь, но ни на что другое она сослаться не могла. Проверить же на самом ли деле Торп появился у Святилища, не представлялось никакой возможности. Не спрашивать же у него лично. Ну а нож она сломала еще в лесу.

– Значит, Торп спустился с небес? Что же он так опоздал? Ха-ха-ха! – вдруг расхохоталась Верховная ведьма и даже Зазра слегка улыбнулась. Только не радость отразилась на ее прекрасном лице, а насмешка. – Не мог, что ли, прийти пораньше? До того как ты убила его жрицу?

– Я не знаю, моя королева. Я не спрашивала у него! – дерзко ответила ведьма, зная, что именно эту черту королева в ней любит больше всего.

– Что ж, ничего тут не поделаешь, правда, Зазра? Раз уж сам Торп противостоял Рраске, разве могла она принести нам с тобой сердце Дервы? – Ашдот уже откровенно издевалась над помощницей. – Иди, душа моя, отдохни на тюремном уровне. Я не довольна тобой сегодня.

В душе Рраски поселилось гадкое ноющее чувство. Она стала противна себе. Фурии не оставалось ничего кроме как поклониться и идти выполнять волю Владычицы. Работа на тюремном ярусе считалась самой грязной и там, как правило, обретались те ведьмы, что не сумели вовремя отвоевать себе «место под солнцем». Стоит ли говорить, что большая часть тамошних сестер были презренными полукровками? Скрипнув зубами и метнув сердитый взгляд на королеву, Рраска ушла. В глубине души она знала, что это еще не конец.

В пещере мать и дочь остались одни. Прошла минута молчания, в течение которой и та и другая обдумывали все только что услышанное и увиденное. Зазра сошла со своего места и прошла мимо пиксиевых фонарей, задумчиво водя по ним пальцем. Она ждала, что скажет ее мать, а маленькие феи, тем временем, в ужасе шарахались от изящного пальчика молодой девушки.

– Ну, не молчи, дочь моя. Скажи же, что ты заметила? – подала голос королева, разглядывая что-то в кромешной тьме потолка.

– Ничего особенного, матушка. Твоя любимица солгала, вот и все, – прокомментировала Зазра с тенью ленивого безразличия. Впрочем, напускного.

– Все? Хм. Ты удивляешь меня, дорогая. Куда же она, по-твоему, дела сердце Дервы? Съела сама? Она бы не осмелилась.

– Не съела, так припрятала, – вполне равнодушно ответила Зазра, все так же пальчиком пугая фей.

– А как же страх? Ты не заметила ее страх? – задумчиво спросила Ашдот.

– Так не мудрено испугаться, матушка, когда пытаешься обмануть Верховную ведьму, – усмехнулась принцесса.

– Кончай валять дурочку!!! – взвизгнула королева, которой надоело, что ее дочь делает из нее идиотку. Зазра же на материнский гнев отреагировала легкой насмешливой улыбкой. Ей было не привыкать – она часто проверяла терпение матушки на прочность. Впрочем, Ашдот уже успокоилась и продолжила, говоря, как бы сама с собой, – Это не тот страх. Ее чувство более глубинное, идущее из самого существа. Оно другого характера. Ведьмы таких эмоций не испытывают. Ты слушаешь меня?

– Да, матушка. Ты абсолютно права. С Рраской что-то не так, – Зазра, наконец, отвлеклась от фей. – Я давно говорила, что тебе пора ее заменить.

– Вот ты заладила. Рраска мне нужна, и ты знаешь это. Возможно, стоило послать в эту деревню кого-то другого...

– Что ты имеешь в виду? – резко обернулась к королеве Зазра. – И чем тебе так приглянулась эта грязнокровка?

– Не хочешь ли ты развеяться немного, птичка моя? – отвечая вопросом на вопрос, спросила Верховная ведьма и с удовольствием отметила яростный блеск в глазах наследницы. Ашдот не желала до поры посвящать дочь в те дела оплота, в которых легко можно было наломать дров. Особенно если ты молодая, амбициозная и очень сильная ведьма. – Слетай-ка ты в эту Вислу и проверь на месте ли сердце. И привези мне его тогда, если только и тебе Торп не явится...

***

Казематы опоясывали весь оплот по кругу и, так же, как и он, делились на шесть ярусов. На каждом в заточении томились пленники, призванные давать ведьмам плоть, кровь и другие различные ингредиенты для колдовских зелий и обрядов. Те, что могли трудиться – расширяли жилые ярусы, рыли ходы, ведущие от оплота, углубляли катакомбы. Те, кто потерял всякую надежду и волю к жизни, просто ждали своей участи.

Рраска рвала и метала. Вся красная от злости на себя и на весь мир, она вышла из портала в тюремной части Ведьминой горы. Верховная ведьма была в своем праве, гневаясь на нее, но Зазра! Проклятая насмешница! Да как она смеет, эта мелкая паршивка! Еще не вошла в возраст, а уже стремится отеснить от королевы всех самых доверенных и приближенных ведьм, стремясь в одиночестве остаться подле матери, а затем свергнуть ее и стать королевой самой! Это ясно каждой в их ведьминской общине!

Рраска шла по темному коридору, слабо освещенному чадящими факелами. Отослать ее, приближенную Ашдот Кровавой, в эти грязные жилища смертных! Что ж, будет возможность отвести душу.

У Зазры в оплоте было много завистниц – принцесса-ведьма была очень красива и обладала настоящим кладзем силы. Она обещала стать одной из самых могущественных колдуний, знала об этом и постоянно испытывала свои коготки на остроту. Никто не сомневался, что не за горами тот день, когда мать и дочь схлестнутся в смертном поединке. Но Верховная ведьма была мудра, и пока что Зазра предпочитала вести иную политику – исподтишка отводила от Ашдот ее самых верных и преданных последовательниц. Сегодня, например, она унизила Рраску! Она смогла сделать это, даже ни разу не открыв рта! Ведьма шла и утешалась тем, что пора красоты для Зазры пройдет еще быстрее, чем у ее матери.

В стенах коридора начались прорубленные ниши, в которых жили люди. Они прятались в темноте и почти потеряли человеческий облик, превратившись в полубезумных животных. Вонь здесь стояла оглушающая. Рраска зашла в один из закутков и за волосы выволокла визжащую женщину в освещенную часть коридора.

– Кричи, кричи, – злобно приговаривала ведьма. – Быстрее сохнешь.

В ослабевших руках женщины совсем не было силы. Да что там в руках, она, лишившись от ужаса последних сил, и ногами-то перебирать не могла как следует, и Рраске приходилось тащить ее волоком. Пленница не переставала выть и этим еще сильнее действовала ведьме на нервы. Пришлось немного подуспокоить ее пинком кованого сапога. Вот только с великой злости не рассчитала Рраска силы удара и выбила бывшей крестьянке последние зубы. Кровь изо рта хлынула потоком и покрыла и без того не слишком чистый пол. От удара женщина лишилась сознания и Рраска спокойно дотащила ее до места.

– Вроде еще совсем недавно наверху жила, как сыр в масле каталась, – приговаривала ведьма, прилаживая ремни к рукам своей бесчувственной жертвы, – а уже ни на что не годна! И куда только силы твои делись? Даже полакомиться особо нечем...

Ведьма закончила свои махинации с ремнями, в результате которых ее жертва оказалась накрепко привязана к жертвенным желобкам. Один удар когтями по запястью и из него полилась темная кровь. Рраска подставила заботливо припасенный кубок, предназначенный спе-

циально для таких дел и, как ей не хотелось поскорее приложиться к живительному потоку, ждала, пока он наполнится. Когда это произошло, она шепотом произнесла заклинание остановившее кровь у женщины, и поднесла вожделенный напиток к губам. Один глоток вернул ее в хорошее расположение духа, со вторым она почувствовала, как былая уверенность возвращается к ней.

– О! Рраска, ты ли это? Не верю глазам своим! С чего бы это небожительница спустилась в наши низовья?

Рраска резко развернулась на голос и ощерилась, показав окровавленные клыки. Перед ней стояла Июрба – смотрительница темниц оплота, и в глазах ее горела смесь злобы и нетерпения, не обещавшая Рраске ничего хорошего. Июрба была матерой фурией, и никто бы не захотел с ней связываться, к тому же сейчас она была в своем праве. Две фигуры застыли друг напротив друга в напряженных позах. Пару минут ведьмы сверлили друг друга наполненными ненавистью глазами, а потом Июрба сказала:

– Нехорошо опустошать кладовые Владычицы, не имея на то позволения.

– Тихо же ты крадешься, смотрительница, – ответила Рраска, пригубливая из своего кубка. Июрбе что-то требовалось от нее, иначе драки было бы не избежать. Редкая ведьма, тем более из казематов, упустит возможность отличиться перед Владычицей. – Присоединяйся. Правда, не могу сказать, что сорт хорош, ну, да другого и нету.

– Наглости тебе не занимать, Рраска. Рабыню мне испортила, – сказала Июрба, осматривая изуродованный рот женщины. – А рваные раны на кистях и вовсе долго не заживают. Кто тебя так учил обращаться с пленниками? Так и кладовым опустеть недолго.

– Я же твои кладовые и пополняю, не опустеют.

– Так и лакомилась бы там, наверху. Что же тебе помешало? – глаза смотрительницы сверкнули. Между разговорами она уже наполнила собственный кубок, перед этим расколдовав руку женщины, и тоже смаковала ее кровь. – За что же тебя к нам сослали? Сама бы не пришла, поди.

Рраска в ответ только скрипнула зубами. Все ведьмы в оплоте иногда подсылали в казематы послушниц за кровью. Она теперь, видите ли, была редкостью. А как жить нормальной ведьме, не подкрепляясь каждый день? Так и доили людей понемногу. Не убивали, конечно. Правда, те сами потом подыхали.

– Скажи еще, что ты сама не пользуешься положением? – спросила насмешливо Рраска, осушая последние капли в кубке.

– Верховная ведьма хочет, чтобы я была смотрительницей. Неужели ты считаешь ее настолько глупой, Рраска? – угрожающе спросила Июрба, склонив голову набок.

– Чего ты хочешь? – прищурилась фурия.

– Ты любимица Ашдот, – был ответ.

– Будь я таковой, меня бы здесь не было, – Рраска стала понимать, к чему та клонит. Ей нужен был союзник, приближенный к королеве ведьм. Тот, кто был бы сходен с ней по происхождению – полукровка.

– Не будь ты таковой, тебя бы наказали намного злее за неисполненное желание Владычицы, – Июрба отмела всю ложную скромность Рраски, сказав правду напрямик.

– Ты уже знаешь? – Рраска глянула с испугом.

– Все знают. Дамирга и Зазра потрудились над этим. Эти двое хорошо спелись, и нам надо объединиться. Если Зазра придет к власти, нам обеим не поздоровится.

Женщина неожиданно застонала.

– Сейчас опять начнет орать, – брезгливо заметила Рраска, обдумывая слова Июрбы. Она предлагала союз, и этим стоило воспользоваться. Проблема была в том, что Зазра придет к власти всенепременно. Если только ей не помешать...

Июрба, тем временем, подозвала служительницу околооплотных казематов и велела ей убрать пленницу на место. Адептка склонилась над женщиной, освобождая ее руки от ремней.

– Постой-ка, – сказала Рраска. Не зная, когда вновь придется воспользоваться возможностью, она наклонилась к разорванным рукам рабыни, но Июрба остановила ее.

– Довольно! Еще один твой кубок ее убьет. Не забывай, что ты уже не имеешь прежней власти, а я теперь отвечаю за каждого мертвеца в казематах.

– Что за чушь?! – взбрыкнула Рраска, но кубок убрала. Да и крови что-то больше не хотелось.

– Происки Зазры. Она хочет, чтобы мы ослабли.

– Ты можешь рассчитывать на меня, Июрба, – сказала Рраска. Из этого союза она могла извлечь массу преимуществ и уже поэтому им не стоило пренебрегать. Но и расслабляться не следовало, это она понимала отлично, не будь она Рраска. Кто подставляет спину ведьме – тот долго не живет.

– Тогда сегодня твой северный сектор. Можешь распоряжаться там.

Рраска ушла в направлении северного сектора. Там пленники рыли длинные тоннели, ведущие из оплота наружу. Никто пока не знал, чем обернется будущее, и удастся ли ведьмам закрепиться в этом мире навсегда. Если найдется хотя бы один мудрый правитель среди человеческих королей, люди могут воспользоваться численным превосходством, прийти и уничтожить Ведьмину гору, пока черное сестринство не обрело полную силу. Ашдот хотела подстряхнуться, организовав пути к отступлению, если таковое случится. Вот рабы и трудились, а иногда даже находили драгоценные камешки среди породы, но это случалось крайне редко.

Рраска принялась за грязную работу тюремщицы. Ей было не привыкать жертвовать чем-то на пути к желанной цели. Изменить что-либо прямо сейчас было невозможно, и ведьма скрипела зубами и срывалась на пленниках, но свою работу делала. Другого выбора у нее не было. Ведь она не хотела навлечь на себя еще больший гнев Владычицы.

ГЛАВА 5

Над Вислой настало тихое утро. Это было довольно прохладное, пасмурное и тусклое начало дня. Небо, покрытое светло-серыми облаками, то и дело роняло мелкие, редкие капли дождя. Дождинки падали на обожженную землю, на почерневшие камни беленых некогда домов и на жалкие остовы фруктовых деревьев. Небо словно не узнавало эту, еще вчера такую пригожую землю, и не хотело подарить ей теплый и ласковый лучик солнца, способный хоть немного оживить печальную картину.

Несчастные вислане, уцелевшие прошлой ночью, только почувствовав слабый сероватый рассвет, осмелились подать признаки жизни. До этого они прятались в руинах домов, в погребках, в лесу, кто успел убежать. Первым звуком, раздавшимся над разоренной деревней, был долгий, безутешный плач. Он пронесся над двумя берегами Ручьянки, долетел до леса и там угас.

Марижа очнулась от того, что кто-то легонько тряс ее, пытаясь привести в сознание. Открыв глаза, она поначалу не могла смотреть – все расплывалось, но голос она узнала – это был Ларий. Жених принес в пригоршне воды и плеснул ей на лицо. Девушке стало легче: в мыслях прояснилось, окружающий мир стал более четким. Но вместе с сознанием пришла и боль, какой она раньше никогда не испытывала. Марижа нащупала огромную шишку с правой стороны головы и все вспомнила. Вспомнила, что вчера должен был быть праздник – Скорогод, что готовила отвар для Фафика, что он капризничал. А потом пришел ужас в лице страшной ведьмы с глазами, горящими демоническим огнем. Марижа прикрыла лицо ладонью, и перед ее мысленным взором, незваным, встал образ той ведьмы: высокая, мощная, с копной спутанных волос, резким голосом, приказывающим отдать ей брата... И все, а дальше темнота. Марижа

вскинула вопросительный взгляд на Лария, который терпеливо ждал, пока его невеста придет в себя. Ларий был бледен, а на виске у него запеклась большая кровавая бляшка. Глаза у него были потухшие, но в глубине их плескалось беспокойство за нее, и теплота, и боль, которая граничила с пустотой.

– Ларий?.. – подала голос девушка. В ее недосказанном вопросе слышалась робкая надежда, затаившаяся за незнанием. Марижа как бы спрашивала – мог ли ей привидеться весь вчерашний кошмар? В глубине души она знала, что ее мир необратимо изменился, и возврата к прежней жизни не было, но крохотная искра надежды не давала ей покоя. Марижа словно старалась посмотреть на новую реальность глазами Лария, как сквозь призму. Жених сейчас был для нее щитом, ограждающим от горя и ужаса.

Но Ларий лишь крепче поджал губы, и его лоб пересекла складка тяжелых дум. Он ничего ей не ответил, а Марижа поняла все без слов. Она учащенно задыхалась, стараясь сдерживать затрепыхавшееся сердце, и отвела взгляд от жениха. Девушка старалась принять боль так, чтобы она не убила ее на месте.

Неосознанно Марижа отмечала детали всего происходящего. Они находились в саду, точнее там, где раньше был их сад. Сердце девушки сжалось, когда ей вспомнилось, как беззаботно она шла вчера мимо их дивных яблонь, наполненных солнечным теплом и светом. Это воспоминание было сродни последнему прощальному поцелую того прежнего мира, что с такой любовью взрастил ее, Марижу.

Она лежала на спине и никак не могла сообразить, как оказалась здесь. Девушка была наполовину присыпана землей, больше напоминавшей пепел. На ней был ее новый сарафан, теперь испачканный и порванный, венки валялись пожелтевшие и обгорелые тут же. Но последние воспоминания Марижи обрывались, когда она была в доме, так каким же образом ее занесло в сад?

Ларий помог Мариже подняться с земли, хотя его самого при этом пошатывало. Девушка увидела всю страшную картину разорения, постигшего их деревню. Ни одного уцелевшего жилища в Висле больше не осталось. Колдовской огонь был так страшен, что даже не пожалел камней, а уж раствор, их скрепляющий, был вовсе выжжен дотла. Вместо белых каменных домов здесь теперь стояли порушенные и почерневшие от копоти, рассыпающиеся от легчайшего прикосновения руины.

Марижа старалась справиться с нахлынувшей дурнотой. В глазах все кружилось, в ушах грохотало... Спустя некоторое время зрение прояснилось и кровь перестала как бешеная шуметь в голове. Тогда девушка рассмотрела других людей. То тут, то там они появлялись побитые и покалеченные. Она осмотрела Лария.

– Как ты, милый? – спросила она, стараясь сосредоточиться на том, что Ларий жив и рядом с ней. Марижа гнала от себя все страшные и непрошенные мысли, предпочитая разобраться с ними позже.

– Живой, – односложно ответил он. Ларий в свою очередь также внимательно оглядел Марижу и, к вящему облегчению, не обнаружил у нее никаких повреждений кроме шишки на голове. – Ты в порядке?

– Да, – ответила она и тут же почувствовала горячую слезинку, побежавшую по щеке.

Ларий тут же крепко прижал девушку к себе и зарылся лицом в ее волосы. Он терпеливо ждал, пока она выплачется, но вся его душа содрогалась вместе с Марижей. Когда она подуспокоилась и вытерла припухшее от слез лицо, он непроизвольно восхитился ее красотой и нежностью. Ларий в который раз за последний год возблагодарил Торпа за то, что ему досталась такая невеста, и трижды возблагодарил Бога за то, что девушка, так же как и он, пережила эту ночь.

Дом Марижи стоял неподалеку. Точнее его обугленные стены. Девушка, глянув в его сторону, отстранилась от Лария и, будто деревянная, направилась под сень отчего дома. Она не

нашла там ничего кроме разрухи, и ей вдруг стало казаться, что пожар подчистую вылизал не только их крепкое пристанище, но и всю ее душу, оставив там лишь черную копоть безнадежности.

– Батюшка! Матушка! Братик! – звала она, сотрясаясь от рыданий. Колдовской огонь не оставил от них никаких следов. Словно призрак Марижа стояла в разрушенной кухне и смотрела на мертвые камни. Она пыталась вспомнить, как все здесь было прежде. Под ногами у нее хрустела зола. На месте подвала зияла черная дыра – колдовской огонь пробрался и туда, уничтожив все подчистую. Ей даже взять из дома было нечего, только и оставалось утешаться воспоминаниями. Она глянула на свой сарафан – любимые руки матери вложили в него неисчерпаемый запас теплоты и нежности. Вот та память, что будет у нее всегда.

– Пойдем, Марижа, – взял ее за руку Ларий.

– А твой дом? Твои родные? – спросила Марижа, повернувшись к нему.

– Их больше нет, – ответил он, глядя ей прямо в глаза. – Никого не осталось.

Марижа обняла его, деля общее горя напополам. И сказала, глотая слезы:

– Мы есть друг у друга. Это самый великий дар.

В ответ он поцеловал ее горько-соленым поцелуем, в котором умерла старая надежда, но зародилась новая, еще совсем робкая и несмелая.

Рука об руку вышли они из обгорелых развалин, и пошли вдоль улицы. Марижа старалась не смотреть на мертвые лица знакомых людей, глядящие на нее из-под завалов и золы. Она сосредоточилась на группке уцелевших селян, что собрались неподалеку от реки. Марижа хотела поскорее увидеть их, порадоваться, что жив еще кто-то. В ней жила надежда, что кто-нибудь из родных все же спасся, или, может, их кто-то видел.

Около берега собрались те, кто мог самостоятельно передвигаться, но не было никого без следов насилия, учиненного ведьмами. Какими глупыми они были, вдруг подумала Марижа с неожиданной вспышкой гнева. Как могли жить столь беспечно, прекрасно зная, что все случившееся вчера в Висле, происходило изо дня в день в других деревнях! Она сжала зубы и постаралась перебороть злость. Сейчас было не самое лучшее время для запоздалых сожалений.

Марижа прислушалась к разговорам. Над кучкой селян предводительствовала жена старосты – Ладния:

– Мы похороним всех мертвых – поступим по-людски, а потом каждый пойдет своей дорогой, ничем больше не связанный. А сейчас на нас долг памяти лежит!

Полноватая, всегда жизнерадостная и очень деятельная Ладния сейчас походила на скрученный осенний лист, оторванный от родного дерева. Она изо всех сил старалась не показывать своей боли по потерянному мужу и мертвым сыновьям и со всевозможным старанием взялась командовать над теми, кто остался в живых. А осталось их не более полутора десятков, если считать тех людей, что могли работать. К тому же почти все были женщинами – только троих мужиков оставили им ведьмы. Еще было столько же увечных и немногим меньше тех, кому до вечера дожить было не суждено. А ведь в Висле жило около полутора сотен крестьян!

Ее предложение не нашло ярых сторонников. Все люди стояли как пришибленные, каждый варился в собственном котле страданий.

– Ты сама подумай, Ладния! – воскликнул один из мужиков – Батой. Вынужденный возглас, чтобы все услышали, дался ему дорого. Он держался за бок, его рубаха была порвана, и в огромную дыру виднелся фиолетовый кровоподтек, занимающий всю правую сторону его тела. – Ну куда нам сейчас возиться с мертвыми? Здесь же теперь проклятое место! Отсюда уходить скорее надо! Разве сможем мы похоронить всех?

Но жена старосты уступать не собиралась. Она использовала влияние, наработанное за долгие годы жизни. Пожалуй, это было то небольшое достояние, что у нее еще осталось.

– Хоронить надо не так уж многих. Почти всех мертвых пожрал огонь! К тому же мы не можем так бросить землю, на которой жили десятилетия и на которой рождались наши дети!

Больше Ладния не слушала никаких возражений. Она раздавала указания и трудилась, не покладая рук. Так в жизни Марижа началась самая страшная работа. Вместе с Ларием они вытаскивали из-под завалов мертвецов и несли их в назначенное место, где решено было похоронить всех скопом. Была здесь тетушка Мара, с развороченной грудной клеткой. И Марижа не могла не думать, глядя на мертвую соседку, что прими она всерьез слова Мары, Фафик был бы жив... А может, и матушка. Был здесь трактирщик Эйгол, которому выпустили кишки, и, пожалуй, только поэтому Марижа с Ларием смогли оторвать тяжелое тело от земли. Был здесь отец Лария. Им пришлось долго трудиться, снимая родича с острого конца расщепленной мощным ударом яблони, на который тот был насажден словно майский жук. Потом они умывали и оплакивали старого Факелу, отдавая ему последние почести. Маленькая Чикрия – босоногая озорница – смотрела в небо испуганным холодным взглядом... Марижа увидела в тот день еще много жутких ран. Мертвецы проходили через ее руки и каждый был увечнее другого.

Иногда они с Ларием находили живых мужчин и женщин. Но мало кто из них мог бы дожить до завтрашнего заката – настолько страшные увечья у них у всех были. Они стонали и кричали, а забытье или смерть ждали как избавление. Некоторые люди лежали, глядя в серое небо, и Торп отсчитывал последние минуты их жизни. Сколько ни смотрела Марижа вокруг, везде были только страх и смерть, от которых мертвой хваткой сжималось сердце.

А потом пришло время положить всех убитых в землю – ведь сейчас не было возможности предать тела очистительному огню. По всем правилам после такой ужасной смерти от рук ведьм, умерших полагалось бы сжечь, но раненые и больные люди не могли сходить в лес за сушняком.

Нет слов, чтобы описать скольких трудов стоило крестьянам выкопать братскую могилу – ведь на всю деревню они с трудом нашли только две лопаты, да и то одна была сломанная. К вечеру всех мертвых сложили на дне одной большой ямы. Благо их висланская земля была мягкая и плодородная, и только верхний, испоганенный ведьмами, слой был тверд как камень. Селяне прочитали положенные молитвы и забросали могилу землей. Затем они разошлись кто куда, лишь бы подальше отсюда.

Ночь опустилась на сожженную деревню. Марижа с Ларием устроились на ночлег под холмом, прячась от речного ветра. Они постарались забытья сном, но ужасные картины прошедшего дня все никак не давали им уснуть.

– Ларик, – тихонько прошептала Марижа, боясь потревожить жениха, если он вдруг задремал.

– Что? – ответил парень минуту спустя.

– А ведь моих никого не нашли... Вдруг кто-нибудь из них жив? Я теперь вспомнила, что отца дома не было, Фафика ведьмы забрать могли, а матушка у себя в Святилище, наверное, отбилась, – с надеждой предположила Марижа.

– Я с твоим отцом на берегу к Скорогоду последние приготовления наводил. И перед тем как меня ударили, – Ларий коснулся виска рукой, – я видел, как одна из ведьм оторвала ему голову когтями, и он упал в реку. Вода отнесла его тело. А Фафику лучше быть убитым, чем плененным этими бестиями, ведь ты же знаешь, что делают с маленькими детьми в Ведьминой горе. А что с твоей матушкой в лесу стало, я не знаю, да только если бы она была жива, уже давно в деревню вернулась.

Ларий знал, что хуже, чем сейчас уже не будет, а пустые надежды до добра не доведут, когда откроется истина. Он резал правду-матку, жалея, что не может оградить Марижу от боли, и принять на себя все, что ей сегодня пришлось пережить. Но изменить что-то было не в его силах.

Марижа слушала его с расширенными от ужаса глазами и не могла вымолвить ни слова. В ее сердце накопилось столько горя, что оно прорвалось потоком рыданий. Девушка проплакала на груди у Лария всю ночь, забывшись тревожным сном лишь под утро.

А утро настало опять такое же блеклое и серое. Небо снова роняло на землю редкие капли дождя, не пропуская солнечного тепла. Марижа проснулась от холода в одиночестве. Вся одежда на ней отсырела, но переодеться было не во что. Она встала и пошла на поиски Лария. С холма она увидела его, стоящим с острой в руках, по колено в воде, и вздохнула с облегчением. С ним все было хорошо.

Она осмотрелась, стараясь собраться с мыслями. Пойманную рыбу надо было приготовить, и девушка кинулась собирать все, что могло согдаться в костер. Любое занятие было лучше пустого ожидания – меньше плохих мыслей крутилось в голове.

Остальные вислане тоже уже проснулись, а Ладния опять всеми командовала. На этот раз она организовала общий стол – ведь не каждый мог позаботиться о себе, а народ не ел с позавчерашнего вечера. Вскоре подошел Ларий с уловом.

За ночь умерло еще трое людей. С утра их похоронили. Тех, кого сильно покалечили, и кто не чаял уже подняться, попросились в реку. Решили соблюсти древний обычай, по которому тяжело раненные воины ложились на плоты и с почестями отплывали от родного берега. Зачем заставлять родных смотреть на мучения, когда тело может принять река? Только сейчас плоты сколотить было не из чего, и несчастных донесли до Ручьянки и погрузили в нее. Речные воды были теплыми, словно дождик не поливал их второй день подряд.

Марижа решила не ходить на берег во время исполнения этого ритуала. Страшных картин ей хватило еще вчера, и она осталась у костра охранять те несколько рыбешек, что принес Ларий. Вскоре вернулись и остальные – всего около трех десятков людей. У костра появился горшок со сметаной. Его Ладния где-то спрятала еще позавчера, стремясь оставить в целости для блинов, которые она собиралась приготовить. Кто-то принес с десятков картошек – вот и весь нехитрый завтрак. На всех разделили, и показалось, что вовсе не ели. Они посидели в молчании около потухающего костра, а потом Ладния взяла слово:

– Нам надо уходить отсюда. Подадимся в город.

– Да уж. Здесь ни дома больше, ни тепла, ни еды. Помрем мы тут все, – на этот раз Батой ее поддержал.

– Тогда надо прямо сейчас начинать двигаться, пока еще хоть какие-то силы есть. Собирать нам тут нечего, так что пойдем налегке, – сказал Миравай, третий из оставшихся в живых мужчин.

Вдруг все замолкли. Люди сидели вокруг затухающего костра и смотрели друг на друга с нарастающим ужасом. Все разом вислане стали остервенело тереть кто лоб, кто щеку, кто глаз, кто нос. Лица мужчин и женщин чесались и зудели. Они не могли остановиться и перестать делать это, и в результате у некоторых под пальцами выступила кровь. Все закончилось столь же внезапно, сколь и началось. Люди в страхе посмотрели друг на друга и увидели, что у каждого человека на лице вылезла безобразная темно-серая блямба, покрытая гладкими выпуклостями, наподобие волдырей.

– Проклятая метка... – прошептала Ладния, касаясь отвратительного нароста, который напоз ей прямо на самый глаз и мешал смотреть.

– Мы прокляты, – загомонили женщины, трогая свои лица, – ведьмы прокляли нас! Ой, как же это?! Неужто им мало было наших домов и семей?!

Каждый в небольшой группе людей ощупывал свою метку, а кто-то уже и радовался – у него она выскочила на лбу, прикрытом челкой.

– Теперь нас ни в одной деревне не примут, отовсюду как бешеных собак погонят! – запричитала молодая женщина, заходясь плачем. Она недавно в первый раз стала матерью. Ее маленького сына ведьмы вырвали у нее из рук и забрали с собой. Она надеялась пристроиться

в одной из соседних деревень и забыть весь этот ужас. Но теперь у них всех была одна судьба – бродяжничать, переходить с места на место, рыская в поисках пропитания, воровать... Потому что никто не захочет поделиться куском хлеба с проклятым ведьмами из боязни навлечь беду и на себя.

Марижа нашла метку у себя на левой щеке, а у Лария – на правой.

– Что же мы теперь будем делать? – в который уже раз за эти дни, со слезами в голосе, спросила она у жениха. Вот, казалось бы, куда уж хуже? Дома нет, семьи тоже. Рядом с ней был Ларий, а у остальных же умерли все близкие люди. Что бы она делала без него, Марижа даже не представляла. С ума бы сошла, наверное, от горя. А теперь еще и податься некуда. Всякий узнает в них разозлившего ведьму, а таких любили еще меньше, чем больных чумой.

– Ничего, милая. Нас много, и мы что-нибудь придумаем, – Ларий постарался успокоить ее как мог.

– Да, – сказал Миравай, – Ларий прав. Мы должны держаться вместе, тогда нас будет сложнее прогнать.

– А что ты собираешься делать, Миравай? – гневно, все еще пытаясь проморгаться, спросила Ладния. – Если мы всем скопом припомним в какую-нибудь деревню и не уйдем, когда нас начнут гнать в шею, что будет, как ты думаешь, умник? Здесь правильно сказали – на нас собак спустят, камнями закидают, стражу позовут! А не уйдем – на кол посадят, не знаешь, что ли каково нынче милосердие в Белсоши?

– А я предлагал не задерживаться здесь! – взорвался Батой и тут же схватился за ушибленный бок. – Глядишь, такая участь нас бы и миновала!

– Давайте пойдем отсюда. Нельзя долго оставаться на проклятой земле, – жалобно предложила одна из женщин. – Так не долго и всему телу покрыться этой гадостью, нас тогда вместо ведьм на кострах жечь будут.

– Если сразу не покрылись, значит, не в той степени прокляты, – уже беззлобно сказала Ладния, глянув на Батоя. Она предпочла не заметить его выпад, а, может быть, ей было уже все равно.

Люди понурились. Кроме троих мужчин все остальные были преимущественно молодыми девушками и женщинами. Они остались одни на всем белом свете и теперь голосили от горя, что им некуда податься.

– Так, все! Закончили хор! – не вынесли нервы у Миравая с Батоем. – Никто из нас пока не сожжен и на кол не посажен, так что рано мокроту развели! Нам надо идти. У многих в соседней деревне родичи. Давайте туда пойдем, вдруг они примут? А там, глядишь, и остальные приживутся. А метки эти, я слышал, не навсегда.

Так и решили. Они встали с земли и направились к дороге на Малое Заречье, в противоположную от Святилища дуба сторону. И тут Марижа остановилась, будто кто-то тронул ее за плечо.

– Матушку хочу увидеть напоследок, – сказала она.

Ларий посмотрел невесте в глаза и понял, что лучше не спорить, а просто сходить с ней. Отговаривать их никто не стал, но и ждать отказались. И получилось, что эти двое отбились от толпы и пошли в сторону Дрима. Марижа все норовила обернуться, кинуть последний взгляд на отдаляющихся односельчан – теперь почитай, что родственников.

Так прошли они половину пути до леса. Толпа вислан превратилась в небольшую кучку, и вот-вот должна была скрыться за отдаленным леском, в который они в прежние времена почти не ходили.

– Смотри-ка, что это там? – Марижа показала на черную точку в небе. Она просталась с сородичами, а разглядела врага.

Ларий обернулся, изменился в лице и поскорее дернул Марижу в ближайший овраг. Едва они успели прикрыться скошенной травой, над ними пролетела та страшная птица, которую

издалека заметила девушка. Зубастый ящер нес на себе ведьму, одну из тех, что побывали в Висле позапрошлой ночью. Мариже даже показалось, что она узнала ту самую, с фиолетовыми глазами. Дакор, и находясь в воздухе, почуял притаившихся внизу людей. Он дернулся было в их сторону, но ведьма ему воли не дала. Она гаркнула на крылатого ящера сиплым окриком, и он полетел в прежнем направлении – к Дриму. Марижа с Ларием остались лежать ни живы, ни мертвы от страха. Как только скрылась в лесу жуткая наездница, Ларий потянул Марижку из оврага и потащил ее за руку в сторону реки, прятаться получше. Они схоронились в густом кустарнике и стали ждать, когда ведьма полетит обратно.

– Что ей нужно в нашем лесу? – трясаясь, спросила Марижа.

– Лучше лежи тихо, Рижка, – вместо ответа посоветовал Ларик. Он высматривал летучую гадину в небе.

На самом деле Марижа не ждала от него ответа. В лесу было Святилище Торпа – именно туда направлялась ведьма, а что ей там нужно, смысла гадать не было. Добрых дел, как известно, эти исчадия не творили.

В лесу ведьма пробыла недолго, и вскоре молодая пара наблюдала из кустов полет ящера в обратном направлении. Сделав круг над деревней, и убедившись, что там не осталось ничего интересного и поживиться нечем, злобная бестия легла на прежний курс и, превратившись в крохотную черную точку, пропала за горизонтом. Парень с девушкой выждали немного для верности и вылезли из кустов, вновь направившись к Дриму. Теперь они то и дело оглядывались назад, да и по сторонам смотреть не забывали – мало ли, а вдруг еще прилетит?

Вскоре Марижа с Ларием вошли под сень своего родного леса. Девушка, не глядя, встала на ведомую с детства тропку и уверенно повела жениха в чашу. Спустя какое-то время они оказались на заветной полянке со священным дубом, в котором проводила свои ритуалы Дерва.

– Мама! – со слезами в голосе вскрикнула девушка и на подламывающихся ногах побежала к мертвой матери.

Жрица Торпа лежала на спине, безвольно раскинув руки. Глаза ее были раскрыты, и Мариже сквозь слезы показалось, что матушка смотрит на нее с печалью и лаской. Девушка склонилась над ней и заплакала, покрывая милое лицо матери крупными слезами. Они текли, соединялись в ручейки и промывали страшную рану, оставленную в груди Дервы варварской рукой ведьмы.

Наконец, слезы иссякли, но рыдания все еще продолжали сотрясать грудь Марижи. Ларий присел в сторонке и терпеливо ждал, пока невеста попросится с матерью. В лесу уже темнело, когда Марижа, словно оглушенная, встала с колен. Встал и Ларий. Они вместе подняли тело мертвой жрицы и печально направились в Святилище дуба, внутри которого Дерва совершила столько обрядов. Ларий нес мать невесты. Марижа скорбно шла за ним след в след. С другой стороны дерева в него открывался обширный вход, украшенный плющом. Скорбные гости вошли в Святилище и положили жрицу на алтарь Торпа.

– Прощай, мама, – едва слышно пролепетала бедная девушка и наклонилась, чтобы запечатлеть последний поцелуй на холодной щеке матери. Поцеловала, и слезы новой волной набежали на глаза. Но сквозь них она увидела кулон на шнурке, который Дерва при жизни никогда не снимала. Марижа взяла его. Это была миниатюрная деревянная копия того дуба, в котором они сейчас находились – знак жрицы Торпа. Маленький кусочек дерева был теплым на ощупь, будто не пролежал два дня в сыром лесу на хладном трупе. Марижа с трепетом повесила кулон себе на шею. У нее на душе стало так тепло и спокойно, как бывает только в самом раннем детстве, когда от всех невзгод защищают тебя справедливый и сильный батюшка, и матушка – добрая и ласковая.

А от кулона действительно шло тепло – его замерзшая Рижка очень хорошо ощущала. Они постояли еще немного в Святилище и решили, что им уже пора уходить. Место Дервы было здесь, она осталась верна Торпу до конца. Новая жрица тут скорее всего не появится...

Марижа заметила, что внутри ведьма не смогла ничего осквернить – видно светлый бог не допустил этого. Наверное, и Дерва осталась бы жива, не выйди она из дуба в ту страшную ночь. Но теперь ничего изменить было нельзя, и Марижа с Ларием двинулись к выходу рука об руку. И тут их спины озарило невиданное сияние, обдавшее сзади теплом. В то же мгновение пара повернулась к алтарю и увидела, как бесшумно тают в воздухе последние искорки света. Мертвая жрица исчезла.

– Торп забрал ее к себе, – пораженно сказала Марижа. – Никогда не слышала о таком...

– Наверное, здесь святое место. Пойдем, Рижка, – Ларий потянул невесту за руку.

– Нет, милый. Мы можем остаться, – с тихой улыбкой сказала девушка. Ларий поразился – она вдруг показалась ему такой спокойной и умиротворенной, будто не с ней вовсе творились страшные события последних дней.

Марижа подошла к жениху и обняла его. И деревянный кулон столь же щедро поделился теплом и покоем и с ним. Это была как некая передышка перед грядущими испытаниями, или помощь свыше за перенесенные невзгоды. Так или иначе, а молодые люди отчетливо поняли, что на эту ночь им разрешено здесь остаться и отдохнуть. В отличие от всего остального леса здесь было тепло и сухо, а вокруг дуба вновь появился круг света теплого желтого оттенка.

В лесу уже было довольно темно, а дождик так и не переставал накрапывать, за два дня намочив вокруг все, что только можно. Ларий решил немного поохотиться, а Марижа пошла собирать хворост для костра. Надо было нормально поесть, раз уж выпала такая возможность. Подумав, Марижа занесла собранный хворост внутрь дуба, и там он враз просох. Тогда девушка вынесла его наружу, в круг света, чтобы не осквернить Святилище внутри. Пока она разводила костер, вернулся Ларий. С собой он принес связку мелких птиц, которых они зажарили над костром. С поражающей воображение сытого человека скоростью, они смели большую часть ужина, оставив немного еды наутро.

Ларий и Марижа напились и умылись водой из располневшего от дождя ручья. Он теперь так шумел, что даже не знай ребята, где он находится, непременно бы его нашли. Затем они вернулись в Святилище и поклонились батюшке-Торпу, который их здесь приветил. Его изображение всегда помещалось над алтарем. Поклонившись, они улеглись спать прямо на земляной пол, заснув самым спокойным и крепким сном, каким только возможно.

***

Мягкий зелено-золотистый свет разбудил Марижу и Лария утром. Дождь ночью кончился, и снаружи заметно потеплело. Молодые люди вышли из священного дуба, подкрепились и поблагодарили Торпа за приют. Затем они пошли к ручью, чтобы напиться перед дальней дорогой. Ларий и Марижа умылись и посмотрели друг на друга.

– Ларик, твоя метка! Ее больше нет у тебя! – изумленно воскликнула девушка.

– Рижка, и у тебя тоже нет этой пакости!

Они обрадовались и засмеялись как дети, крашась в объятиях друг друга.

– Значит, на нас нет больше ведьминского проклятия. Это Торп-батюшка еще одну благодать нам с тобой послал, – сказала Марижа, глядя на Лария сияющими синими глазами. – Пойдем, поблагодарим его еще раз.

Девушка схватила жениха за руку и на радостях побежала вприпрыжку обратно к дубу. Но огромного дерева там уже не было – Торп скрыл свое Святилище до поры, до времени. Поляна стояла пустая, как будто исполинский дуб на ней никогда не рос. Ошеломленные, Марижа с Ларием постояли немного, а потом парень сказал:

– Все правильно, милая – нам не место здесь. Нас приютили прошлой ночью, обогрели, накормили, спать уложили. А теперь пора и честь знать. Негоже просто так святую землю топтать. Пойдем.

– Я знаю, Ларик. Но куда же мы пойдём?

– Пойдём в Исторг, – Ларий тяжело вздохнул и ласково завел Рижке за ухо выбившуюся из косы прядь. – Лучше всего нам было бы уйти из Белсоши. Но я много раз слышал, что наши границы защищены заклятием, которое нельзя пересечь. Наказание ослушникам будет похуже проклятой метки во много раз. В Исторге живет мой двоюродный дядька. Думаю, он нас приветит, не прогонит. Пешком нам до него не меньше трех дней идти. Но если выйдем на дорогу, может, люди добрые подвезут. На ночлег в деревнях, что по пути, останавливаться будем. Я, если надо, в оплату работу какую-нибудь сделаю.

Марижка только кивнула, с любовью глядя на своего избранника. Был он не самым плечистым и красивым парнем на деревне, и многие девчонки считали ее дурочкой, когда она согласилась пойти за него замуж. Ведь она могла бы выбрать кого-то и попроще, и покрасивее. А вот не обмануло ее девичье сердце, правильно подсказало. И теперь Марижа смотрела в серые глаза Лария и думала, что нет для нее человека милее на всем белом свете, надежнее и храбрее. И что за ним она готова идти хоть в Исторг, хоть еще дальше, если судьба позовет.

Держась за руки, ребята пошли к выходу из леса и вскоре оказались под открытым небом. Они шли сотни раз исхоженной тропкой, ведущей от деревни к лесу, шли мимо полей, лугов, мимо реки. Все это было знакомо им с детства. Другого ничего в этом мире они и не видели, а шли, наверное, в последний раз. Едва ли им было суждено вернуться сюда когда-нибудь. Да и не будет уже Висла прежней.

Над бывшей деревней, как и в прошлые два дня, опять моросил противный холодный дождь. Раньше такого не бывало, чтобы летом шли затяжные дожди. Прольется щедро один раз в неделю хороший ливень, а в остальные дни солнышко припекает. Так и жили. А теперь несчастная Висла была проклята, да и не Висла это уже больше, а просто кусочек оскверненной земли. Теперь к нему не стоило применять прежнее доброе имя.

Ларик с Рижкой дошли до того места, где вчера расстались с односельчанами и двинулись в том же направлении, что и они. Ближайшая деревня – Малое Заречье – была где-то в одном дневном переходе, если идти пешком. К вечеру ребята должны были добраться до места, а там, если Торп будет милостив, дальнейший путь они преодолеют на чьей-нибудь телеге и к следующему вечеру будут в Исторге.

Вскоре родные места скрылись за горизонтом, но Марижа больше не оглядывалась. Она хотела запомнить Вислу прежней.

Солнце ощутимо припекало, и идти было довольно трудно. В полдень ребята присели отдохнуть в тени дикого кустарника и перекусили разросшейся здесь земляникой. Когда солнце перевалило во вторую половину небосвода, жара немного спала, и стало возможным идти дальше.

К концу дня путники дошли до соседней деревни. Малое Заречье встретило их неприветливо. На молодых людей, одетых в потрепанные и запыленные, а местами и откровенно грязные, одежды, местные жители неодобрительно косились.

– Тебе не кажется, что они не слишком рады нас видеть, Ларик? – озабоченно спросила Марижа, когда они дошли до небольшой площади в центре деревни.

Пара остановилась, окруженная толпой угрюмых людей.

– Вы кто такие? – грубо спросил, вышедший вперед крепко сбитый мужичок.

– Мы ваши соседи, вислое, – прямо ответил Ларий.

– Проклятые, что ли? А где ваши метки?

– Это ж Ларий, Факелы средний сын, – несмело сказал кто-то из задних рядов. Вперед, впрочем, чтобы признать парня за своего никто не вышел.

– У нас нет меток, – готовясь к худшему, ответил Ларик.

После этих слов толпа зашумела.

– Это, за какие же заслуги ведьмы решили не проклинать вас? Вчерашние были сплошь все в проклятых отметинах! – крикнул кто-то из толпы.

– Где они? – спросила Марижа, а Ларий взял ее за руку, призывая к молчанию.

– Нет, и не будет у нас проклятых в деревне. Мы не хотим, чтобы ведьмы нас наказали. Убирайтесь вон! Мы исправно платим оброк и нам не нужны неприятности, на которые вы все-таки напросились!

– Так мы-то не прокляты! Куда же мы пойдем? Ночь скоро.

– Идите отсюда, говорят вам, пока живы! Вчерашняя одна тоже говорила, что не проклята, а у самой отметка на лбу, под волосами, оказалась. Может и у вас то же самое?

– А может у них метки под одеждой? – глумливо предположил местный пьянчужка, протягивая грязные руки к Мариже. – Давайте девку проверим, а?

– Убери руки, гад! – не стерпел Ларий и оттолкнул от невесты похабника. Но за него тут же вступились земляки и на Ларика бросились сразу несколько местных молодцов. Пьянчуга же не оставил своей идеи и со всей силы дернул рубаху на Рижке. Девушка от испуга пронзительно закричала, а рубаха треснула, оголив плечо. Бабы в толпе завопили, а более благоразумные мужики кинулись разнимать дерущихся.

– Довольно! – подвел черту тот же человек, что так неприветливо начал разговор и который, по-видимому, был здешним старостой. Драчунов растащили. У Лария стремительно наливался большущий фингал под глазом, а из разбитой губы текла кровь. – Есть на вас проклятие или нет, вам здесь не рады! Мы не хотим рисковать, идите, откуда пришли!

– Пустите переночевать, мы уйдем завтра! – не отступал Ларий. Будь он один, может вовсе не стал бы сюда заходить. Но он боялся за Марижу – девушка была не привычна к ночевкам на голой земле.

– Вот, упертый! Или тебе по-другому объяснить? – с угрозой спросил староста.

– Пойдем, Ларик, – потянула жениха за рукав Марижа. – Пойдем, пожалуйста!

Парень внял слезным мольбам невесты и развернулся, чтобы уйти. Только напоследок обвел гневным взглядом собравшуюся толпу. Он ничего не сказал, а только плюнул в сердцах и ушел.

– Плюется еще! – крикнул кто-то ему в спину. – Благодарить должен, что живым отпустили!

Ребята были уже на окраине деревни, когда сзади послышался слабый окрик.

– Ребятюшки, постойте! – это кричала им вслед сухонькая бабушка. – Постойте, милые!

– Я пушу вас переночевать, – сказала она, когда догнала Марижу и Лария. – Я живу неподалеку, пойдите со мной.

И парень с девушкой пошли с доброй старушкой – Стеньей. Большинство селян остались на площади, обсуждать случившееся, быстро темнело, и почти никто не видел, что нежеланных гостей все-таки приютили.

В маленьком домике на отшибе деревни Марижа смогла постирать и зашить одежду свою и Ларика. Она долго терла пятно от отвара ягод уекулы на рубахе, и ей казалось, что пролила она его слишком давно, скорее всего в прошлой жизни. А может, вся та жизнь ей просто придалась...

Стенья накормила их незамысловатым ужином из вареной репы и кваса. Она ни о чем не спрашивала, и Марижа была безмерно благодарна за это доброй женщине. Перед сном девушка еще нашла в себе силы удивиться той разнице, что существовала между одинокой старушкой, живущей на отшибе, и прочими деревенскими жителями, сплотившимися против своих, таких же, как они селян. Но при этом не способных и не желающих ничего менять, чтобы сбросить иго ведьм.

ГЛАВА 6

На четвертом ярусе билось магическое сердце оплота – Великий Храм Силы, в котором ведьмы ежедневно служили темные мессы. Ключом к существованию Ведьминой горы являлась связь темного бога с его приспешницами. Благодаря ей оплот смог закрепиться в этом мире и распространить свое, до поры не очевидное, влияние на обширные территории за пределами Белсоши.

В Великом Храме Силы всегда присутствовало несколько ведьм-блюстительниц. В отличие от тех, что охраняли покои Верховной ведьмы, эти стражницы носили серебряные одежды и были облечены меньшей властью. Но несмотря на это и с ведьмой-блюстительницей второй ступени вступать в любой спор было чревато и для фурии, и для Ранговой ведьмы. Они поддерживали неугасимый огонь над барабаном и охраняли покой этого священного места.

Большую часть храма занимала просторная, ничем не заставленная, арена, в центре которой стоял огромный кожаный барабан, сделанный из заживо содранной человеческой кожи. Над ним, на потолке, висел светильник, наполненный неиссякаемым магическим огнем, который давал определенный круг света. Свет этот имел довольно резкую границу – он внезапно заканчивался через десять шагов от центра, а дальше начиналась почти непроглядная темнота.

Каждую полночь и каждый полдень фурии и адептки – по большей части чистокровные, рожденные от геверкопов – погружались в транс и читали долгие литании Улану, отдавая себя ему без остатка. Стоит ли говорить, что от низкороденных ведьм было мало проку на этих литаниях, так как примесь грязной человеческой крови существенно сужала канал связи с их богом. И все же наиболее достойные из грязнокровок иногда допускались до темных месс. Например, Рраска была одной из таких. Эти молодые фурии и адептки заходили в полукруглые апсиды и разрисовывали собственные тела особенной краской, сделанной из крови и костной золы. Они становились на колени перед черными алтарями и монотонно повторяли слова литании, уходя в транс.

Дважды в месяц в Храме Силы призывали геверкопов для сношения и продолжения рода ведьм. После долгого темного обряда в ткани бытия открывались две рваные раны и из них приходили демоны Сомгира. Они выбирали двух ведьм по своему вкусу и совокуплялись с ними на барабане до тех пор, пока те не теряли сознание. Грязнокровка, понесшая от геверкопа, приравнивалась к чистокровной ведьме. Но по какой-то причине истинные зачатия были довольно редки.

И, наконец, самую главную роль в существовании оплота играл ритуал Ауркадо.

В главном зале сквозь тонкую завесу тьмы проглядывали неясные очертания сконов, что были развешаны на стенах через равные расстояния. Каждый скон освещал вход в одно из двенадцати святилищ с маленькими жертвенниками. В этих помещениях были прорыты узкие слуховые ходы, ведущие на поверхность и оснащенные хитрыми зеркалами. Благодаря этим зеркалам каждая ведьма, держащая в руках нож, знала, что пришло время его опустить!

Ауркадо – праздник разрезанных младенцев – наступал именно сегодня. В полнолуние, в великий час силы тринадцать избранных ведьм спускались на четвертый ярус и проводили здесь особую службу, посвященную Улану. Они расходились в святилища и совершали жуткий ритуал, призванный дать силу всему оплоту на ближайший месяц.

Вопреки ожиданиям большинства сестер в оплоте, Рраска и в этот раз была назначена одной из тринадцати жриц. Эту честь могла заслужить далеко не каждая ведьма и стоит ли говорить, что для получеловека это было практически признанием ее чистокровной ведьмой? Ведь это была потрясающая возможность приложиться к такому желанному источнику перво-силы, доказать свою мощь перед другими и, наконец, оправдать возложенные Верховной ведьмой чаяния. Это был путь к власти.

Впрочем, Рраска все равно была недовольна. Если бы Владычица до конца простила ее, она оказалась бы на ключевом месте действия, именно она стала бы ведущей жрицей, как это

часто происходило. Но на этот раз Зазра постаралась на славу, и Рраска оказалась всего лишь введомой. За барабаном сегодня предстояло стоять Дамирге. Именно ей было суждено держать в руках вихрь силы и направлять его в двенадцать рак, стоящих на страже около каждого святилища. К тому же круг возможных участниц был все же несколько ограничен – ведь в ритуале не могли принять участие ни Ранговые ведьмы, ни адептки. Первые не подходили по причине своего возраста. Ауркадо был праздником силы, получаемой от людей, и чтобы отнять ее, необходимо было обладать неким сходством с этими самыми людьми. По мере старения же любая ведьма приобретала черты демона-отца... Ну а вторые были еще недостаточно сильны в колдовском плане, и должного опыта у них не наблюдалось. В общем, фурии сочетали в себе силу и внешнюю человечность, поэтому, за редким исключением, именно из числа фурий выбирали тринадцать жриц Ауркадо.

Но пока еще был день, и до праздника оставалось немало часов. Рраска отдыхала, находясь в своих покоях – эта возможность была одной из тех привилегий, которые давало участие в празднике разрезанных младенцев. Сегодня ее не ждали ни вылет за поживой, ни темная литания, и уж подавно ее не ждали тюремные ярусы.

Рраска была молодой ведьмой. Прошло не более десяти лет, с тех пор как она из адептки перешла в разряд фурий. Совсем недавно она справила свой двадцать шестой день рождения (да, ее мамаша как-то умудрилась позабавиться с человеком еще в Сомгире!), и сохраняла пригожий внешний вид, хотя наружу уже начали проступать первые вестники приближающегося второго этапа в жизни каждой ведьмы. Того этапа, в котором красота сменялась уродством, прямо пропорциональном колдовской мощи. Глядя на себя в зеркало, Рраска не могла не заметить чуть заострившегося подбородка, потускневшей кожи и, ставших более жесткими, волос. Ведьма представляла себе, что лет через двадцать, когда второй этап более властно вступит в свои права, она в зеркале увидит не цветущую молодую женщину, а кого-то, пусть и очень отдаленно, напоминающего Ашдот сейчас. С серой с прозеленью кожей, торчащими наружу клыками, патлатыми седыми волосами (если они вообще останутся) и пятнами на теле, напоминающими трупные. А лет через шестьдесят-сто, может быть, в ней даже будет замечен след ее демона-деда, ведь она была достаточно сильна для грязнокровки...

Вообще, внешность для ведьмы не имела большого значения. По крайней мере, она была не настолько значима как для обычной женщины. И все же, представив себя такой уродиной, Рраска содрогнулась. Ни одна ведьма не призналась бы в этом, но каждая стремилась продлить пору красоты и молодости, и поэтому сейчас любимица Ашдот отмокала в большой лохани, наполненной горячим молоком. От такой ванны кожа становилась белой, гладкой и холеной, а стоило добавить капельку заговоренной крови, и она начинала светиться от наполняющего ее здоровья.

Да, любой ведьме ничего не стоило навести морок, изменив внешность на более привлекательную. Но эта медаль, как и все прочие, имела обратную сторону. Во-первых, не каждая ведьма была в достаточной степени искусной и сильной – ведь морок не скрывал подлинной картины для хозяйки наваждения, а физически изменить свое тело под силу далеко не каждой ведьме. Во-вторых, любое заклятие требует постоянной подпитки в виде сложных колдовских зелий, которые не всегда предоставляется возможность приготовить, и магических сил, которые имеют обыкновение периодически истощаться. К тому же, чем сложнее заклятие, тем больше требуется и того и другого. Намного проще жить, когда ты еще не превратилась в старую уродливую развалину, пусть и способную одним щелчком пальцев обратить недруга в насекомое.

Молодая красивая плоть гораздо приятнее, чем дряблая и обвислая, да еще и с какими-то отваливающимися противными кусками. Так думала Рраска, поглаживая свою гладкую, туго обтягивающую мышцы, кожу. Геверкопам, опять же, подавай фурий в самом соку. А как она сможет очиститься, если станет уродливой, и ее больше никогда не выберут? Демоны были

жестоки, алчны и похотливы в своих утехах, но ради ребенка геверкопа каждая ведьма почтила за честь возлечь с ним.

В минуты слабости Рраска могла позволить себе со снисходительностью думать о Владычице. Обычно эти минуты наступали, когда она была зла на Верховную ведьму, как сегодня. Как Ашдот умудрилась затащить сомгирского демона в свою постель, оставалось загадкой для всего оплота. Рраска с жалостью размышляла о старой уродине, вспоминая ее гнилые зубы и запах доносившийся изо рта, если стоять достаточно близко, или о крючковатых, бурых пальцах, униженных неуместными перстнями, и заканчивающихся завитыми в спирали когтями. Ведь Ашдот Кровавая уже целый век не стригла их, боясь, что кто-нибудь украдет ее силу. Или, например, об огромной бородавке, угнездившейся около ноздри сравнительно недавно. Список можно продолжать бесконечно. Обычно Рраска ограничивалась несколькими пунктами, и ее настроение поднималось. Этого было вполне достаточно, к тому же не стоило забывать, что Верховная ведьма могла почуять отголоски этих мыслей, если лелеять их слишком долго. И тогда ее не спасет даже особое положение, на котором она находилась. И быть тогда Рраске заживо сваренной и съеденной своими же сестрами...

Жирла – девочка-неофитка, наставницей которой была Рраска, услужливо подлила горячего молока в лохань. Ведьма величественно кивнула маленькой грязнокровке, когда почувствовала, что уже достаточно горячо. Жирла поставила котелок на огонь, подлив туда еще свежего молока. Порой служанка не вызывала ничего кроме брезгливости у Рраски – ее потенциал был просто смешным. Уж точно фурия не пожелала бы себе подобной жизни, но ведьмам требовались преданные слуги, которых из числа людей набрать было невозможно. Тень силы прочно привязывала «морковку» власти к таким как Жирла. Надежда в будущем пользоваться всеми привилегиями настоящей ведьмы, делала неофитку достаточно лояльной.

Рраска решила, что ее настроение уже достаточно поднялось. Ванна и приятные мысли сделали свое дело, и теперь сложившаяся ситуация с Зазрой не казалась такой удручающей. Все еще можно исправить. Главное, что Владычица сохранила свое хорошее отношение к ней, Рраске. Да мало ли этому доказательств? И пусть завистницы сколько угодно шипят по углам про ее молодость и грязную кровь, но именно она сегодня будет участвовать в Ауркадо. К тому же ее обширные апартаменты остались за ней. Подумаешь, один день работы в тюремном ярусе. Это ерунда, вполне можно пережить. Гораздо большего стоили высокие потолки ее покоев, и огромная кровать под балдахином (Рраска довольно ухмыльнулась, вспомнив свои забавы с пленниками, которых сюда иногда приводила Жирла), и ее маленький жертвенник, на котором этим пленникам потом бывали отсечены некоторые пикантные части тела (и, конечно же, съедены сырыми на пару с неофиткой), и своя лохань, и камин, и сундук с трофеями, и зеркало в полный рост. И еще оставался небольшой закуток для Жирлы, где она спала. Да, здесь было, где развернуться и отдохнуть душой от происков завистниц.

Рраска глянула на стоящую в углу клепсидру. Пора было собираться. Она вышла из лохани, и маленькая прислужница кинулась к ней с полотенцем, помогая обтереться. Каменный пол приятно охлаждал ступни. Жирла закончила вытирать наставницу и отступила на шаг, в ожидании приказаний. Рраска стояла обнаженная и любовалась на свое отражение в зеркале. Это было умопомрачительное зрелище. Нет, в этой женщине нельзя было ошибиться и не распознать в ней ведьму, но насколько она была притягательна! Уже высушенные заклинанием волосы, мягко поблескивая в свете сконов, падали длинными локонами ей за спину, глаза горели демоническим огнем, хоть и немного приглушенным сейчас. А кто мог похвастаться таким цветом как у нее? Почти никто. Фиолетовые глаза были редкостью даже среди ведьм. Длинные черные ресницы отбрасывали еще более длинные тени на щеки, красные как кровь губы скрывали за собой клыки, но ведь об этом не узнаешь, пока не испробуешь ведьминского поцелуя на вкус. А мускулистое стройное тело было гордостью Рраски. От него исходила одур-

манящая сила, кроющаяся в каждом изгибе, в каждой округлости, в игре мускулов и в сиянии, напитанной в молочной ванне, кожи.

Жирла подала облачение, в котором Рраске предстояло служить мессу. Словно нехотя ведьма оделась в длинное кожаное платье с широкими рукавами. Казалось, будь ее воля, и она пошла бы на Ауркадо голой, стремясь поразить всех своей соблазнительностью.

Наконец, Рраска была готова. Она кинула последний взгляд на отражение в зеркале, и осталась им довольна. Ведьма собралась было шагнуть за порог своего жилища, но тут у нее в душе появилось противное сосущее чувство. Чувство чего-то потерянного и забытого, но такого важного, без которого жизнь просто не возможна. Оно было сродни тому непонятному страху и, так же, как и он, никогда раньше не появлялось. Но Рраска уже поняла, как можно бороться с этими неприятными проявлениями проклятия, наложенного мертвой жрицей.

– Жирла, налей мне крови, – приказала Рраска, протягивая руку в сторону неофитки и не глядя на нее. Она с напором всматривалась в собственное отражение, пытаясь отыскать в нем признаки необратимых изменений. После Ауркадо следовало сразу же приступить к поиску снадобья или заклятия, способного отменить действие проклятия.

– Кровь не слишком свежая, моя госпожа, – Жирла вложила в руку Рраски кубок, наполненный до краев.

Не обращая внимания на слова девочки, ведьма осушила кубок, и, почувствовав на языке тягучие сгустки, отметила, что кровь и правда не слишком свежая. Но, так или иначе, а дело свое она сделала – Рраска вновь почувствовала себя прежней, полной сил и ярости, готовой на все. В нетерпении от предстоящего праздника, ведьма направилась в Храм Силы. Она ни слова не сказала маленькой служанке на прощание, а та лишь завистливо вздохнула вслед наставнице. Вместо волнующего обряда, наполняющего душу несказанной мощью, ей предстояло подготовить покои к приходу госпожи: убрать лохань, вымыть пол и взбить постель. Сегодня можно было обойтись без раба, после Ауркадо Рраска обычно возвращалась достаточно удовлетворенной.

Словно королева шла Рраска по мрачным коридорам оплота. Да она и была королевой. Ну, почти. Будучи любимицей Владычицы, среди рядовых ведьм она царствовала и распоряжалась. Фурии таких вольностей с собой уже не позволяли, но и они поддавались некой дрессировке. С Ранговыми ведьмами в этом плане было сложнее – они слишком любили показывать зубы, чуть что не так. Но сейчас и те, и другие, и третьи склонялись в низких поклонах перед одной из тринадцати, и Рраска шествовала величественной походкой, в своей гордыне, не замечая никого вокруг себя. Это был час ее триумфа – время, когда она могла забыть, что перед ней старая сильная ведьма, перед которой стоит спрятать когти, и, вместо того чтобы включить дипломатию, могла показать ей всю меру своего презрения и превосходства.

Чисто вымытые волосы Рраски свободно развевались у нее за спиной, отливая черным, смолистым блеском. Босая, она шла в ритуальном платье, и его длинные полочки призывно покачивались в такт движению бедер. Высокие разрезы разлетались при ходьбе так, словно ей в лицо дул сильный встречный ветер. В обеих руках фурия с почтением несла кинжал с раздвоенным на конце лезвием. Язык кобры – жертвенный нож – вот ее сегодняшнее оружие. Именно он этой ночью пробьет нежную розовую грудку и испробует на вкус молодой, полной силы, крови.

Точно в срок Рраска вошла в портал и перенеслась на четвертый ярус, вступив в Храм Силы одновременно с остальными двенадцатью ведьмами. Ауркадо – начался.

***

Свет сконов ритмично помаргивал в такт ударам барабана, темп которых постепенно нарастал. Двенадцать женщин в развевающихся одеждах танцевали вокруг жуткого инстру-

мента, образовав большой круг. Тринадцатая двигалась непосредственно по периметру барабана. Она ударяла двумя длинными позолоченными костями по туго натянутой человеческой коже и создавала мелодию, способную заморозить ум любого, кто ее слушал. Это была не музыка, а некая ее грань, что соприкасалась не столько со слухом, сколько с более тонкими нитями души. И когда их вибрация настраивалась должным образом, из головы уходили все мысли и все желания, кроме одного – полностью отдаться совершающемуся действию и довести его до конца.

Поначалу ведьмы двигались медленно и плавно, как морские волны в тихую погоду. Их темные силуэты скользили вдоль кромки тьмы. Все пространство храма было полностью насыщено ритмичными звуками барабанного боя, и каждая молекула воздуха несла в себе все новые и новые волны музыки, которая затмевала сознание танцующих.

Магический огонь, что освещал центр храма, сейчас был приглушен и давал лишь неясные блики на телах и лицах ведьм. Завораживающий ритуал одновременно и восхищал, и ужасал. Барабанный бой, проникая в самую душу, стирал в ней все границы, возведенные разумом, и заполнял собой образовавшуюся пустоту.

Длинные, подобные львиным гривам, волосы фурий, колыхались в танце подобно шлейфам ночи и оставляли после себя неясные дуновения. Широкие рукава ритуальных облачений напоминали крылья каких-то мрачных птиц; они, казалось бы, жили отдельной жизнью – хлопали, наполнялись и опадали. Голые, босые ноги ведьм то и дело бесстыдно выглядывали из длинных разрезов, и свет, идущий с потолка, мягко ложился на них, образуя блики в темноте.

Особую роль в танце играли языки кобр. Они походили на сполохи холодного огня, льющегося из рук ведьм. Кинжалы словно срослись с фуриями и стали их законным продолжением.

Постепенно темп ускорился. В нем добавились новые оттенки, зажигающие в душах танцующих маленькие зарницы. Они тут же гасли. Вместе с темпом ускорялись и ведьмы. Их движения становились более резкими, выпады рук и ног – напористыми, а изгибы тел – отточенными и завершенными.

Фурии двигались по кругу. Периодически, в такт очередному неритмичному удару, они сменяли его направление. Ускорялся барабанный бой, атмосфера накалялась. В душах танцующих одна за другой загорались вспышки, с каждым разом оставляя за собой все более глубокий след. Сладкая боль и неосознанная радость переполняли сознание фурий. Эти чувства порождали желание еще больше отдаться танцу и испить чашу сладкой боли до дна.

Напряжение, скопившееся в храме, стало осязаемым. Воздух наполнился некой шероховатостью, от которой все движения ведьм приобрели особое звучание. К барабанному бою добавились шорохи рукавов, которые затихали все одновременно в краткий миг фиксирования позы. Полы платьев скользили в направлении движения тел и ударялись о них, издавая отчетливые хлопки. Волосы, в момент резкого поворота головы, издавали свист, сродни удару бича.

Обряд близился к своему апогею. Темп барабанного боя ускорился неимоверно, сохранив при этом околдовывающий ритм. Тела ведьм пели танцем, издавая целую гамму звуков. Они сливались с музыкой барабана, создавая невиданное нигде доселе звучание праздника жизни и смерти.

Фурии покрылись бисеринками пота. При этом волосы у всех наэлектризовались так, что постепенно приподнимались все выше, преодолевая закон тяготения. Все чаще среди них можно было увидеть проскакивающие искры, которые исчезали с неслышным сейчас треском. Глаза у всех ведьм были закрыты, лица дышали внутренней, все возрастающей силой.

Ведущая ведьма бесновалась за барабаном. Она давно перестала двигаться по кругу. Ее голова была запрокинута кверху, а тело, казалось, само решало, когда и какое движение совершить. Ее сознание, так же, как и сознание двенадцати фурий, озарялось вспышками, приносящими и боль, и радость одновременно. Наконец, появилась последняя, решающая зарница,

затмившая собой все прочие. Она пронеслась по душам всех тринадцати ведьм, не оставляя после себя ничего, кроме пустоты.

Музыка смолкла. В наступившей тишине тела ведьм застыли, стремясь справиться с накатившей опустошающей волной. Из света на потолке, озарив все вокруг на краткий миг, в барабан ударила молния, и после этого Великий Храм Силы погрузился во тьму. Дамирга застыла в экстазе ожидания. Двенадцать ведьм с кинжалами в руках, словно куклы, развернулись от барабана и двинулись к свету сконов, мерцающих за тонкой гранью темноты. Рядом с каждым бездымным факелом темнел вход в одно из двенадцати малых жертвенных святилищ. Деревянными, безжизненными походками ведьмы, погруженные в транс, шагали по узким коридорам, которые заканчивались небольшими каменными алтарями. Здесь лежали младенцы – дети до трех лет, привязанные и спящие сном маленьких ангелов.

***

Все было как прежде и вместе с тем иначе. После танца Рраска эти перемены еще не вполне осознавала, но в ее душе зрело что-то непонятное. Как и остальные ведомые она шла в толще горы к одному из малых святилищ, расположенных на конце огромной двенадцатилучевой звезды. Так как сейчас, ведьма во время Ауркадо себя еще никогда не ощущала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.